

ОСНОВАНО НА
РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

ДАМЕР КИТ

ДВАДЦАТЬ КУБОВ СЧАСТЬЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дамер Кит

Двадцать кубов счастья

«Автор»

2019

Кит Д.

Двадцать кубов счастья / Д. Кит — «Автор», 2019

Спартак всегда мечтал связать свою жизнь с кинематографом и психологией: снимать умное кино для умных людей или помогать людям. Но, повзрослев и столкнувшись с реальным миром, он сворачивает с желаемого курса и попадает в настоящий ад. Пагубные пристрастия, проблемы с законом и смертельная болезнь — вот через что придется пройти герою, чтобы начать новую жизнь. Беспроблемная мотивация! Содержит нецензурную брань.

© Кит Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

ОТ АВТОРА

«О, Боже! Как хочется быть кем-то -
Миллионером, рок-звездой,
Святым, пророком, сумасшедшим
Или хотя бы самим собой...».

Майк Науменко, советский рок-музыкант, основатель и лидер рок-группы "Зоопарк"

Книга, которую вы держите в руках – это история жизни простого человека, который мечтал, строил планы на будущее, боролся со своими страхами, падал, поднимался и вновь падал. Человека, который имел благие намерения и цели, но в итоге свернул с заданного курса. Не хочу разводить эпопею в стиле «для кого эта книга предназначена», потому что уверен, что каждый читатель найдет что-то свое, что-то родное и близкое. Все описанное воссоздавалось благодаря моим дневниковым записям, фото- и видео-архивам, и, конечно, памяти, которая, несмотря на потребление всякого дерьма, неплохо сохранилась. Все основано на реальных событиях. Никаких сюжетных красок.

Как бы ни сложилась жизнь человека – это всегда результат его выбора. Последствия – вот что нас всегда преследует и будет преследовать. Эта история о том, чем все может обернуться, если думать не головой, а задницей, и как легко можно сломать свою, и без того хрупкую, жизнь. Книга довольно откровенна. Многие близкие мне люди, прочитав ее, узнают о кладбище скелетов, которых я хранил долгие годы. Мне нелегко было решиться на этот шаг: рассказать все, что было, и открыть темную сторону своей жизни. Но как-то один мой близкий друг поделился мыслью: если тебя любят и ценят, то всегда примут таким, какой ты есть. Несмотря ни на что.

Я готов ко всему, поскольку считаю, что у меня просто нет права держать и уносить с собой то, что сейчас перед Вами. И я искренне верю, что эта история позволит многим взглянуть на свою жизнь по-другому, возможно, что-то переосмыслить или изменить. В конце концов, у каждого свой экватор...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ

Я сижу в допросной комнате и ожидаю оперативника. Вот-вот он явится, чтобы превратить мою жизнь в ад. Все процедуры завершены: отпечатки пальцев, угрозы и подтверждение понятыми наличия полстакана марихуаны, показательно изъятого полицаем из моего кармана. После того, как нас с братом посадили в четверку, опера двинули в те самые гаражи, где главный нашел в сугробе сверток шмали. Стянув с моей головы шапку, натянутую мне на глаза при аресте, он вновь вмазал мне кулаком по челюсти:

– Есть еще вопросы, урод гребаный?!

Стиснув зубы после удара, я вспомнил, как их машина курсировала в этих местах, когда я прятал «вес». Вот как они нашли тайник! Еще в кабинете, поставив меня в наручниках у стенки, защитники закона с победным ликованием начали описывать наше будущее.

– Ну, ребята, вы попали, – говорил с улыбкой опер, – деньги у брата нашли, его тоже сейчас приведут. Но ты их тоже держал, я знаю. Сейчас спиртяги и краска все покажет. Пойдете оба по крупняку! 228-ая статья, сбыт наркотических средств в особо крупных размерах, от

семи до пятнадцати лет строгого режима. Брата твоего – паровозом. Организованная семейная преступная группировка! По вышке въебетесь, я тебе обещаю! Поэтому, лучше тебе сейчас быть поговорчивее.

– У меня есть право на адвоката, – выдавил я, – и я буду говорить только при нем.

– О как! Ты, я вижу, фильмов насмотрелся?! Конечно! Мы тебе и звонок дадим, и адвоката... Только тебя, суку, я имею право держать сорок восемь часов и делать с тобой все, что захочу! Понял?! Поэтому бери пример со своего друга, который сразу смекнул, что к чему.

Тут оперативник подходит ко мне вплотную, достает диктофон и включает запись. Звук был едва слышен, но мне удалось разобрать: «Боб, все нормально? Ты какой-то тихий сегодня... Вон, шапка у тебя грязная...», «Это клей. Да, все нормально Спартак, просто устал...».

Я стою и не догоняю, откуда у них этот разговор. Шок настолько сбил мою адекватную оценку положения, что я с трудом соображал. Все было просто. Боба взяли с пакетом травы. Возможно, его тоже кто-то «впарил». Ему описали будущее с раздробленной задницей на нарах, – и он согласился сотрудничать. Как потом выяснилось, начинающий юрист сначала позвонил Реду, который отказал ему в помощи, и только после этого, будущий друг семьи обратился ко мне. Его снабдили помеченными купюрами, дали диктофон и отправили на контрольную закупку в мой дом. Теперь понятно, почему Вонючка Боб был таким грустным и печальным, когда стоял в двух метрах от меня на лестничной площадке. Сукин сын! Гребанный сдавала! Я был зол, но по большому счету понимал, что когда речь заходит о свободе и будущем – какие на хрен принципы доблести и дружбы?! В один миг эта самая дружба, подобно волоску, оказывается между двумя лезвиями.

Цена – вот что в такие моменты имеет значение и смысл. Либо не предаешь и сохраняешь чувство достоинства и уважения к себе – и тогда полный треш, либо сотрудничаешь – и сохраняешь хоть какую-то часть своей жизни. Ставка велика: никто не хочет ломать свою жизнь и жизнь близких. Ответственность безмерна, а принимать решение нужно прямо сейчас. Вот и я сидел в комнате в ожидании своего палача и думал о выборе. Что делать!? Не могу же я сдать Курта? Сдать его, как Боб «впарил» меня. Господи, как так получилось, что я так попал?!

Я сидел и размышлял, что произошло с тем пареньком, который собирал коллекцию фильмов со своими кумирами и мечтал о режиссуре; который хотел поступить в институт и стать психологом, чтобы помогать людям; который изучал философию, читал русскую классику, сочинял стихи, рассуждал о будущем и стремился к самореализации. Что произошло?! Почему так получилось?! Я не мог ответить себе на эти вопросы.

Был ли я падок на кутежи? Да. Хотел ли я финансовой независимости? Да. Я прекрасно понимал, где границы, и когда следовало остановиться. Неужели мое «все под контролем», когда я начал заниматься сбытом марихуаны, было лишь тупой и слепой уверенностью? Когда же произошел тот самый сдвиг пластов, что вынес меня за пределы равновесия? Я не понимал. Находясь в тусклой исповедальне, мрачной комнате допроса, я сознавал, что нитка все-таки закончилась виться и ком начал сжимать мое горло. Слезы накатывались и вот-вот готовы были хлынуть ниагарским водопадом. Желтые стены и сырость. Я совершенно один, и никто мне не поможет, не подскажет, как верно поступить. А ведь мне всего двадцать лет! Мама и жена брата, наверняка, уже сходят с ума, пытаюсь найти нас. Они, как минимум, еще двое суток будут молиться, и гнать от себя мысли о больницах и моргах.

ОПЕРАЦИЯ ХИМПРОМ

Вообще, мое детство было довольно экстремальным. Я помню, как в девятилетнем году (мне тогда было восемь лет) произошла авария на «Химпроме», после чего в водопровод попали фенол и диоксид – жуткие ядовитые вещества. Тогда по всему городу жители с ведрами

и бидонами стояли в очередях за водой, которую привозили в цистернах, но воды на всех не хватало, и люди оккупировали родники в пригородных лесах. В тот период, от греха подальше, мама отправила меня в деревню, километров двести от столицы. Там я был полностью предоставлен самому себе, поскольку бабушка была постоянно занята хозяйством, а дед проявил ко мне внимание лишь один раз, когда после похода в местный магазин я потерял десять копеек. Тогда он набросился на меня с криками: «Ах, ты ебанный индюк!». Я так испугался, что, не успев наложить в штаны, вообразил сцену, как дедушка, с удовольствием, прикусив губами кончик языка, разделяет меня на вечерний плов. Короче, бродил я в этой тайге, окруженный баранами и одинокими пастухами, около трех месяцев. Потом, когда проблема с реагентами была решена, мама забрала меня домой.

– У вашего сына эхинококк¹ печени, – таким диагнозом огорошил маму доктор после моего возвращения и посещения местной больницы, и решительно добавил: – Будем делать операцию.

Как выяснилось, вернулся я домой с друзьями: их было трое. Поясню. В деревне я подружился с нашей дворовой болонкой по имени Тузик. С утра до вечера мы вместе гуляли, играли, бегали наперегонки, поднимая столпы пыли. Он всегда был мне рад, и при встрече, игриво виляя хвостом, бросался лизать мои руки. Впоследствии, оказалось, что этот мудака заразил меня через слюну паразитами, которые могли с легкостью завалить взрослого мужчину весом в сто десять килограммов. Считается, что этих негодяев чаще всего можно подцепить через не проваренное или не прожаренное мясо. Но в моем случае, все вышло по-другому. Я помню, как мама, после моей операции, этого кровавого застолья хирургов, приносила в реанимацию суп-пюре. Естественно, ко мне ее не пускали. Она лишь успевала приоткрыть дверь палаты, передать медсестре термос с супом и, мельком взглянув на меня, выкрикнуть, что все будет хорошо, и я скоро поеду домой. Тогда моей единственной радостью было шоу Маппетов², которое каждое воскресенье крутили по телику, что висел у нас в палате.

Операция была сложной, но люди в белых халатах, после пятичасового забега со скальпелем по моему тельцу, сотворили чудо. Только подумать: пять часов в операционной, двухдневный сон в наркозном опьянении и две недели в реанимации. А ведь мне было всего восемь лет! Перед выпиской главный хирург больницы сказал моей маме: «Он будет болеть всю жизнь».

Таким образом, я едва не отдал концы еще ребенком. Спустя три года я полностью перешел на домашнее обучение, что, в принципе, предвещало мне стать в будущем замкнутым и не уверенным в себе одиноким человеком. В тот период, когда новое правительство все решительнее набирало обороты и без чувства стыда внедряло свой ожесточенный капиталистический режим, мама поняла, что и мы, безусловно, должны урвать свой кусок, пока синоптики не взяли под контроль потоки небесной манны. Тогда система здравоохранения, которая не сразу прошла курс реабилитации после смены власти, еще пребывала в состоянии «отходняка». И мама, недолго думая, начала собирать все мои недуги в трехтомник. Поставленных диагнозов и всевозможных болячек образовалось предостаточно, поэтому мы начали нарушать своими походами покой седовласых докторов, заваливая их рабочие столы лечебными картами, снимками и прочей макулатурой.

Резидуальная энцефалопатия, эпилепсия, эхинококк печени, астматический бронхит, плеврит и масса других страшностей вынудили врачей дать мне инвалидность третьей группы. Вынудили потому, что белые халаты из состава медицинской экспертизы, которые определяли степень серьезности заболевания и взятие на поруки больного, понимали, что за «хлеб», кото-

---

¹ Эхинококк – род ленточных червей отряда циклофиллид.

² Маппет-шоу – англо-американская телевизионная юмористическая программа, в которой основными действующими лицами были куклы-маппеты.

рый они нам бросают, конверт с начинкой не получают, понимали, что их стойкий профессионализм и чуткое благодушие ничего не принесут. Тяжело, наверное, им было принимать решение.

Конечно, где-то мы преувеличивали, подробно описывая, как я время от времени бился в конвульсиях с пеной у рта. Я вовсе не был больным на голову ребенком с тупым видом, словно меня с раннего детства били по голове металлическим самосвалом. А именно такой образ и был необходим бездушным светилам, поэтому моим личным имиджмейкером стала, конечно, мама, благодаря которой цель благополучно была достигнута. Мы предельно ясно понимали, как и что нужно делать, что говорить и как себя при этом вести. Результат был понятен по взглядам докторов, которые смотрели на меня, как на бедного Маугли.

Так, с девяносто третьего года, мы каждый месяц стали получать от государства пенсию по инвалидности и ряд других поощрений и льгот. Моя мать – мать одиночка с двумя детьми и зарплатой, которую хватало на три десятка яиц, два литра молока и мешок картошки. Нам никто не помогал, никого тогда рядом не было, как и не было поддержки от государства. Поэтому предпринятые меры и действия были вполне оправданы. Нам просто некуда было деваться.

Детство мое проходило в окружении белых халатов и с исколотой до основания задницей. Так мы удерживали приток пенсионного капитала. Конечно, не все было так гладко, поскольку головные боли из-за резидуальной энцефалопатии, реально существовали, и сопровождалась дикими спазмами, которые напрочь ломали мой мозг. Я вспоминаю эти времена, как нам было тяжело. Но инвестиции не прошли даром. Я часто говорил это своей маме после. Отказы, плевки в наш адрес, было все, но время и другие задействованные ресурсы в итоге привели к желаемым результатам.

Как я уже говорил, получение инвалидности привело маму к решению организовать мое обучение в домашних условиях. Иначе бездушные доктора со стеклянными глазами могли задаться вопросом: с какой это стати мальчик с таким букетом болезней, исполосованный как чудо Франкенштейна, посещает занятия в стенах школы? Мы не намерены были лишиться своего куска хлеба. И тогда никто не задумывался о том, как это скажется на моей психике, на моих коммуникациях, личности и на моем будущем, поэтому с третьего до десятого класса я уже основательно учился на дому.

Учителя приходили к нам домой, нередко запыхавшись, ведь, пожертвовав своим единственным окном, им нужно было успеть объяснить мне про синусы, тангенсы, рассказать о формулах химических реакций, эпохе серебряного века и о прочих основах образования, которые должны были в будущем сделать из меня настоящего человека. После занятий со мной они еще должны были успеть вернуться обратно в дом знаний, к своим делам. Тогда учителям приходилось нелегко. Я часто видел в их глазах желание оказаться где-нибудь в средневековье, где они спокойно могли бы меня четвертовать или сжечь. Было и такое, что я поддавался соблазнам своего брата, который уговаривал меня иной раз просто не открывать дверь педагогу, чтобы я мог поиграть, а он – зарядить шахматную партию со своим другом. И мы по очереди, на цыпочках, бегали к глазку, чтобы убедиться, что учитель, со вздохом и испариной на лбу, покорно удалился, спускаясь по лестничной площадке, либо раздосадованный, либо ликовавший в фантазиях от того, что я, возможно, упал с балкона.

НЕМНОГО О ЖЕЛЕЗНОЙ МАМЕ И ТРУДНОСТЯХ

Моя мама была сиротой при живой матери – та благородно от нее отказалась еще в младенчестве. Причины мне не известны, да и не важны. Детство, проведенное в деревне под иглом суровой татарской бабушки, строгое воспитание и политика рабочего класса сделали из мамы железного человека. В девятнадцать лет она впервые, зарядив в путь один чемодан, отправляется в третью столицу, чтобы использовать возможности большого города и найти себя. К сожа-

лению, в третьей столице ей не удастся обрести своего счастья, и мама вынуждена вернуться обратно. Но это обстоятельство не сломало ее, поэтому, не падая духом, и поставив перед собой цель – любой ценой вырваться из деревни и стать независимой от бабки, она вновь устремляется в город-миллионник. Уже тогда прикинув, что государство еще в состоянии давать жилье, железная мама, используя эту возможность, устраивается дворником. Параллельно она учится на маляра-штукатур, чтобы дополнительно подрабатывать. Помимо этого долгое время ей приходилось работать и уборщицей в кафе-баре. В те времена, по ее рассказам, было очень тяжело. Платили копейки, об одежде можно было только мечтать, а на еду приходилось экономить. Совсем одна, без чьей-либо поддержки, мама начинает выкручиваться любыми способами.

Все это повлияло на ее жизнь и убеждения. Именно тогда мама определила дальнейшую стратегию. Нужно действовать и двигаться вперед, быть стойкой при любых поворотах судьбы, не ломаться и всегда стремиться к своей цели. Всегда действовать – действовать настойчиво и масштабно!

Закаленный с детских лет характер и закрепившаяся в молодости установка на упорство научили ее прогнозировать события. Чтобы не бедствовать, а именно это и происходило, она решает идти в сферу общепита. Поэтому, после полутора лет страйков метлой в кафе-баре, мама обучается на повара и идет работать в столовую. Найденная вакансия в местном медицинском училище была очень кстати. Это событие навсегда определило ее будущую деятельность.

Чтобы было понимание, поясню: для нашей семьи такие прелести как колбаса, хорошая одежда, качественная мебель для дома и возможность сходить в кино, были не всегда доступны. Мама, конечно, всегда стремилась радовать нас парками, мороженым и индийскими фильмами с домашним чаем в термосе, который она брала в кинотеатр. Была и покупка велосипеда «школьник», который брат уже через два дня сломал напополам. Помню, он рассказывал, как держа руль в одной руке, а раму в другой, доскакал до дома на одной ноге, потому что вторая была сломана. Тогда старший сын испытал на себе пятиточечный удар дракона от мамы и познал ценность вещей, купленных на заработанные ею деньги. Этот урок надолго закрепился в его сознании.

В нашей семье было непозволительно портить и ломать вещи, которые доставались с большим трудом. За нарушение этого закона следовали уроки Брюса Ли. Еще десятилетним мальчишкой я часто обращал внимание на тех, кто носил красивые и дорогие шмотки. Я завидовал им, потому что сам чаще всего ходил в растянутом тряпье, доставшемся мне от брата. Находясь у кого-то в гостях, я вглядывался в цивильный ремонт и рассматривал мебель буржуев. У этих небожителей были видяки «Sony» и двухкассетные магнитофоны «Osaka», а у нас вращался в тумбу, пуская корни, магнитофон марки «Агидель» и черно-белый телевизор «Весна». Мне было стыдно. Стыдно за то, как я выглядел и одевался, за то, что нам не хватало элементарных вещей, за то, что мы не могли себе позволить даже дисковый телефон. Все это меня угнетало. Конечно, в то время я не понимал, какие усилия требовались, чтобы все эти блага пополнили наш дом. Мама одна несла на себе этот груз. Для нее всегда было самым главным, чтобы дети не были голодными.

Что касается сильной половины в нашей семье, то многим знакома история о таких детях, которые росли без отцов. Эта история стала и нашей реальностью. У нас с братом были разные отцы, но ни один из них не оказался той целевой аудиторией, которую искала мама.

КИНЕМАТОГРАФ

С четырнадцати лет брат «подсадил» меня на фильмы Бергмана, Феллини, Пьера Паоло Пазолини и ряд других, больных на голову, гениев искусства. Мы были психами и неуравнове-

шенными киноманами, поскольку постоянно пополняли свою фильмотеку любимыми режиссерами и актерами, при этом собирая жанровое кино и тоннами литературу советских времен. Я уже не говорю о глянцевах журналах, по типу «Premier», которые можно было собрать и смело идти продавать или менять на новую квартиру. Тогда я впервые познал, что такое мотивация.

– Если ты будешь приносить мне фильмы с Джеком Николсоном, Робертом Де Ниро и Аль Пачино, которых у меня нет, я буду давать тебе одну трехчасовую видеокассету за каждый фильм! – говорил мне брат, после чего я бродил со списком его героев, который мои ребята знали уже как библейский завет.

Со временем наш интерес начал стремительно развиваться, и мы с братом начали поглощать психоделику по типу экспериментального кино Алехандро Ходоровского и собирать сюрреалистические коктейли из разряда «Андалузского пса» Бунюэля и «Головы-ластика» Линча. У меня в тот период была большая коллекция фильмов с Кристофером Уокеном и Стивом Бушеми. Тогда моими звездами были эти ребята. Мы собирали даже те работы, где наши кумиры появлялись на пару минут, и называли такие роли «поссать зашел».

Накануне открытых дверей, когда капитализм ускоренно расширял границы рынка в нашей стране, кассетные видеоманитофоны были доступны практически всем. Первый видеоплеер «Toshiba», купленный мамой, как раз и дал толчок нашим увлечениям, но этого было мало, и большой брат затеял переговоры о более рентабельном устройстве: четырехголовочном «Samsung DIAMOND» с функцией записи и установкой на четыре таймера за раз. Этот аппарат был подобен космическому кораблю!

– Мама, ну вот смотри. Если возьмем этот Самсунг, можно будет записывать с телевизора фильмы... тогда и кассеты покупать не нужно! Вот ты, к примеру, на работе. А мы поставим передачу на таймер, запишем с телека, и ты сможешь ее посмотреть! А Тошибу продадим.

Мама пошла на сотрудничество, и дом засиял алмазами Южной Кореи. Теперь у нас было два внеземных устройства. Потом брат вновь включил дар убеждения и организовал очередной круглый стол, где под четкими аргументами излагал:

– ...а зачем нам продавать видеоплеер, мам, когда можно брать у друзей фильмы и переписывать их на пустые кассеты? Они намного дешевле! Так нам не нужно тратить деньги на новое кино: мы будем их просто перезаписывать!

И снова одобрение, которое не заставило себя долго ждать, после чего брат пошел дальше. Он начал предлагать своим знакомым запись фильмов на их пустые видеокассеты. Тогда наша коллекция достигала более пятиста кинолент разного жанра, что позволило найти заказчиков. И тариф не кусался: всего по пятнадцать – двадцать рублей за час. Доход был не велик, но ляжку грел, и на табак хватало. Я в этом бизнесе не участвовал, так как брат был старше и взял монополию в свои руки.

Как я и говорил ранее, мы охватывали границы кинематографа максимально, задействовав в нашем просвещении и литературу. Брат, успешно используя мои интересы, как-то предложил подавать в газету частные объявления по типу: «куплю книги, журналы об актерам и кинематографе». Впоследствии этот источник на удивление очень быстро пополнил наш золотой фонд киноархива. А однажды, прочитав одно из наших объявлений, на меня вышел главный кинооператор нашего центрального телевидения.

Красный телефон затрещал диском, призывая остановить грохот диких колокольчиков. Подрываюсь, снимаю трубку:

– Алло.

– Здравствуйте! Я звоню по объявлению, на счет книг. Я могу услышать Спартака? – спросил серьезно мужчина в годах.

– Да, здравствуйте, слушаю, – ответил я.

– Спартак, я обратил внимание на ваше объявление. Видимо, вы увлекаетесь кино?

– Да, есть такое. Собираю книги, коллекционирую кино... – продолжал я.

– Меня зовут Николай Мешаков. Я – главный кинооператор нашего телецентра, – продолжил голос, – и меня привлекло ваше объявление. Дело в том, что мы набираем молодых ребят, чтобы организовать группу из тех, кто интересуется киноиндустрией. Будет проводиться обучение, общение с кинорежиссёрами...

Он продолжал говорить об этом проекте, но мой разум выключился: я не мог поверить в то, что происходило, потому как, еще совсем недавно, сам написал во ВГИК письмо с просьбой выслать мне условия для поступления на факультет режиссуры. Увлеченный киноискусством, я жил мыслью, что когда-нибудь стану великим режиссером, мечтал и воображал, как буду снимать умное кино для умных людей. Я помню, как брат мне говорил, что вначале режиссерам приходится туго, и зачастую они снимают фильмы по типу «Кошмары на улице Вязов», чтобы потом уже, на заработанные деньги, снять кино по своему сценарию и жанру; только потом у них появляется возможность получить признание среди гуру кинематографа. И вот я сижу и понимаю, что это знак. После того как я рассказал Николаю о своем письме, он дал мне телефон человека по имени Рамиль Хажаков. Молодой режиссер, недавно закончивший ВГИК и работавший в нашем телецентре. Связавшись, мы договорились с ним о встрече на площади с уходящим в небо шпилем телебашни, где этот парень – в темно-сером плаще, со взглядом мудрого джигита, – просмотрел листок бумаги, который мне прислали в качестве ответа из института, и сказал:

– Сделаешь эти три задания – позвони, там уже поговорим, – после чего будущий Спилберг исчез с поля зрения.

Написать историю из жизни, автобиографию и сценарий к своему фильму – такое задание институт предлагал будущим абитуриентам, и лишь после их выполнения давалась возможность участвовать в экзаменах, которые состояли из пяти этапов. Вот тут-то и можно было с легкостью прыгать с крыши дома, как в случае с ЕГЭ...

После нашей встречи и задания сэнсэя я был подавлен. Мечта так и осталась мечтой. Возможно, я испугался и не смог прыгнуть выше своей головы, а возможно, был не готов, поэтому кино, с его блестящими стразами так и остался для меня лишь хобби.

Однако все было не так плачевно, поскольку я увлекался не только этой темой: из-под моего пера рождались рассказы, стихи и песни, которые я также мечтал исполнять на большой сцене, как и в случае с кинематографом мечтал стать режиссером. Страстное желание колбаситься под рев электрогитар и барабанных битов так овладело мной, что я попросил знакомую девочку, которая как-то пошла со своей мамой к шаману, дабы заглянуть в будущее, спросить и обо мне. Стану ли я рок-звездой, от которой у девочек будет съезжать крыша, а толпу будет разрывать от моих песен – вот что меня интересовало. На следующий день после визита к колдуну подруга успокоила меня, что переживать не стоит, что я обязательно стану известным и крутым певцом, а еще добавила, что, со слов медиума, я умру от болезни. Рок-звездой я не стал, и пока жив.

ФИЛОСОФ

Помимо кино и музыки, я дико увлекался философией и психологией. Тогда мне было еще пятнадцать лет. Жажда познания смысла жизни и реалий сводили меня к чтению Ницше, античной философии, пессимиста Шопенгауэра и многих других джедаев разных времен, включая Фрейда с его психоанализом. Меня интересовали всевозможные учения и утопии. Я изучал терминологию и питался многообразием взглядов на мир, в котором мы живем. Короче, несло меня по полной! Начиная от китайской мудрости, по типу Конфуция и философии парадокса Хуй Ши, до Диогена из бочки и депрессивного экзистенциализма Камю с Сартром.

Постоянно размышляя о смысле бытия, находясь на тонкой линии лезвия, я все больше и больше страдал. Страдал от того, что мир жесток и несправедлив, от того, что кругом идиоты, и, как мне тогда казалось, от того, что я обрел более широкое виденье. Крылатая фраза «горе от ума» стала бы лучшим определением того периода моей жизни. Мышление мое тогда было соизмеримо с высотой останкинской башни и массой Титаника. Зачастую, измазанный слюной и с пеной у рта, словно со встроенным мегафоном, я доказывал, спорил и пытался облагородить своих сверстников. Бунтарь! Меня мучили вопросы этики и морали, нашего настоящего и будущего, вопросы о том, что есть «Я». Именно тогда мне дали прозвище «философ». В те времена мне не удавалось найти особой поддержки, и меня высмеивали, предлагая быть проще. Помню, как я определил свою личную концепцию, которая гласила, что есть нормальные и умные люди, благотворно влияющие на свою жизнь и контролирующие ее (в судьбу я не верил). Это свободные и независимые личности. И напротив, была другая разновидность людей: те, что плывут по течению жизни. Они не свободны в своих решениях и ведомы лишь материальными благами, инстинктами и пороками, которые воспринимаются как «воля». Такие персонажи могут быть счастливыми и довольными жизнью, поскольку нет осмысления того, что в действительности происходит вокруг. Такие люди ничего не делают, чтобы поднять свой интеллектуальный и духовный уровень.

Я понимаю, что это не открытие закона гравитации, но в период развития еще не окрепшей личности, в момент, когда моим прыщам еще только предстояло пройти трудный путь, все это было для меня подобно созданию атомной бомбы. Со временем я начал презирать людей за их глупость, легкомыслие и однообразное узкое мышление. Все это вело к стрессам и депрессиям, но меня всегда поддерживал брат, моя стена и точка опоры. У нас было много общих интересов. Он часто говорил о человеческом потенциале, который глубоко скрыт от людских глаз, и который мы можем развить только своими силами. Важно научиться возвращать в себе способности и, опять же, развивать их.

В те времена размышления не давали мне покоя: что меня ждет в будущем, кем я стану, буду ли я тем, кем хочу быть и, в конце концов, кто я есть. Забавно, еще совсем недавно возился с игрушками, а теперь пытался понять смысл жизни и разобраться в себе.

Возможно, это был переходный возраст, а возможно, что тогда во мне начал зарождаться страх – страх перед взрослой жизнью, перед будущим и перед ответственностью, которая ожидала впереди. Весь этот багаж я нес в душе еще несколько лет. Окончив же девятый класс и понимая, что обучение на дому не имеет никаких перспектив, я решил реабилитироваться, ведь впереди был университет. Это обстоятельство изменило вектор моего мышления. Так, после успешных переговоров со школьной верхушкой, я, наконец, вернулся за парту. Тогда уже было плевать на решение медэкспертизы, которое, после моего возвращения в класс, поставило крест на государственной поддержке «бедного инвалида».

***

Итак, я снова в школе. Не знаю, что это было: просто случайность или все-таки закон притяжения сыграл свою роль, но в один из школьных дней, во время урока математики, к нам в класс вошла Инна Григорьевна – наш учитель по истории и обществознанию. Женщина не молодая, но активная и сохранившая для своих лет хорошую физическую форму. Она принимала участие во всех школьных мероприятиях и занималась развитием подающих надежду ребят. От нее всегда исходили благодущие и позитив. В моих рейтингах Инна Григорьевна была «номер один», потому что подавала материал эмоционально и интересно. Она поздоровалась с коллегой и сказала, что ей нужен один доброволец и, не разяснив цели, начала искать глазами достойную кандидатуру. В тот солнечный день обычно улыбочивая и уверенная в себе Иннушка, как мы ее называли, казалось, была растеряна. Она всматривалась в лица, сканируя

нас, и пыталась определить: какую же душу ей забрать. Наконец, она останавливает свой взгляд на мне и, немного шурясь сквозь изящную оправу очков, произносит:

– Ага! Вот кто нам нужен! Спартак, подойди сюда. Людмила Михайловна, вы не против? Я украду его у вас ненадолго?

– Да, конечно, мы как раз заканчиваем, Инна Григорьевна.

С этими словами учитель математики отпускает меня с урока, радуясь тому, что одним балбесом (я больше был склонен к гуманитарным наукам) в классе стало меньше, и ей не придется усугублять стресс, который она испытывала всякий раз, вновь и вновь объясняя материал, таким как я.

В коридорных лабиринтах школы Иннушка начала с расспросов:

– Спартак, ты ведь увлекаешься историей и обществознанием? Ты пишешь сочинения, вопросы часто задаешь и недавно выбирал институты, не так ли?

– Да, Инна Григорьевна.

– А ты когда-нибудь ходил на секции, кружки, курсы?

– Нет, – отвечал я, пытаюсь разобраться, к чему она клонит.

– Тебе, наверное, было бы интересно поучаствовать в таком мероприятии? – спросила она и остановилась. – Спартак, есть возможность попасть в секцию.

– В какую? – Оживился я.

– В течение этого месяца набираются секции, где будет проходить обучение. Все это ежегодно организовывает для старшеклассников Малая академия наук.

– А что мне нужно будет делать? И цель всего этого?

– Несколько месяцев идет обучение, потом защита доклада на научно-практической конференции. Давай так: на днях я уточню все детали, и мы с тобой еще раз поговорим. Наверное, отправим тебя в секцию философии, – закончила Инна Григорьевна, определив мою дальнейшую судьбу.

Я был ошеломлен, ведь постоянно думал о нечто подобном, и вот меня хотят отправить на сходку гениев в качестве представителя от нашей школы. С ума сойти! Я не относился к касте программистов, математиков и прочих сообществ, которые еще тогда были для меня далекими планетами, поэтому, получив предложение, с радостью включился в этот поход, где предстояло три месяца открывать новые горизонты. Спустя пару недель, я, наконец, пришел в учебный центр, здание которого больше походило на обыкновенный детский сад. Познакомившись с другими участниками мероприятия, которые, как и я, решили покорить вершины Эвереста, мы встречаемся с нашим боссом, и определяем план дальнейших действий.

Лекции шли каждую неделю, и я с энтузиазмом поглощал материал. Наш лектор, профессор философии Андрей Михайлович, входил в совет академиков и прочих матерых председателей, которые занимались подготовкой будущей конференции. Выглядел гений, как сушеный банан, с отстраненным взглядом, словно гуру, что когда-то познал смысл жизни и бренность людских потех.

Сначала лекции были интересными, увлекательными, но позже все это превратилось в монотонный микс из несвязной белиберды. Теперь арт-профессор маяковал на сцене в своем вязаном черно-белом пестром свитере, словно Кашпировский³, гипнотизируя нас. Его монологи стали подобны мантрам, от которых на каждом занятии я начинал впадать в транс. Не хочу обидеть Андрея Михайловича, но его лекции наскучили мне так, что рабыня Изаура⁴, которую когда-то показывали по телеку, казалась мне тамадой на Ибице. В конце третьего месяца я уже с нетерпением ждал завершения этого гипнотического курса по философии. И

---

³ Анатолий Кашпировский – советский психотерапевт, получивший известность в 1989 году благодаря телепередачам «Сеансы здоровья врача-психотерапевта Анатолия Кашпировского». Программа транслировалась на канале Центрального телевидения СССР.

⁴ Рабыня Изаура – бразильский телесериал 1976 года, впервые вышедший на советские телеэкраны 16 октября 1988 года.

вот боги услышали мои молитвы: мы приступили к определению тем для наших докладов. Это было подобно защите бизнес-плана перед коллегией бездушных чиновников. Лектор был строг. Ребята выбрали разные темы: кто-то про жизнь и мировосприятие Юрия Шевчука, кто-то о письме Белинского Гоголю, кто-то о моральных и нравственных аспектах клонирования человека. В общем, с таким набором интересов наша группа больше походила на секту. Кстати, я так ее тогда и называл.

Наконец, долгожданная дата наступила. В гимназию, где должна была проходить конференция, пришли сотни людей: педагоги, профессора, деканы, учителя, участники и простые смертные.

***

«... наивно думать, что сатана – источник наших грехов. Последователи христианства имели честь просветить нас в его уловках. Одним из главных его орудий является людское заблуждение. Губитель всячески пытается ввести человека в ложные теории, басни, свое евангелие, утверждают они. Человеческая мудрость, пытающаяся познать Бога и смысл своего бытия, стремится превзойти Всевышнего. Все это находится под руководством дьявола, говорят они. Но разве мы не можем использовать данный нам разум? Бог открыл все горизонты, и лишь для того, чтобы в меру жить, подчиняя Ему себя?! Если это так, то где та воспеваемая безграничная свобода и выбор?! Никто не пытается превзойти Его, это никому не нужно. Сам ангел никакого отношения к нам не имеет. Люди исходят из своего представления о мире, в котором проявляются их действия, взгляды и поступки. За то, что мы совершаем, отвечаем только мы сами, у нас нет козла отпущения и алиби.

В заключении хочу сказать, что я не пытаюсь быть защитником дьявола. Все, мною сказанное, являет собой лишь «разбирательство». Он, бесспорно, был противником Бога, и был по праву свержен в преисподнюю. Но меня беспокоит тот факт, что люди видят в нем прикрытое. Сатана – идеальная тень для священнослужителей. Люди привыкли к обыденным представлениям о Люцифере. Я же думаю иначе – человек во многом сам виноват».

«Обольститель и жертва» 2000 г.

Так я заканчивал свой доклад, участвуя в конференции для одиннадцатиклассников, где перед сверстниками мне посчастливилось нести этот бред в течение двадцати минут. Это был протест.

Увлекаясь религией и столкнувшись, как мне тогда казалось с несправедливостью, я решил изобличить в своей работе человеческую сущность и защитить права дьявола. Герой! Прочитав массу книг и пообщавшись с представителями разных конфессий, я открыл для себя, что во всех совершаемых грехах обвиняли падшего ангела, который запустил на земле цепную реакцию, и стал источником зла. Я же пытался донести до аудитории, что корень злодеяний человека кроется не в искушениях соблазителя, а все-таки в самом человеке: в его личном решении, как жить и поступать, вершить праведные дела или быть говнюком?

Еще до защиты доклада, я искренне верил, что впереди меня ждет только успех и стремительная карьера. Мечтая связать жизнь с социальной сферой, я представлял свою деятельность среди служителей обществу, педагогов и прочих умов.

День пролетел мгновенно, хотя временами казалось, что ты так и не понюхаешь той самой колбасы, за которой мы когда-то стояли в очередях длиною в жизнь. Места я никакого не занял: видимо, мой посыл не затронул сердца вершителей, либо тема вызывала негодование. Но я не расстроился, так как понимал, что такой исход возможен. Я все равно был безумно рад.

Секция философии, защита доклада, конференция, – возможность хоть немного соприкоснуться с миром науки, – сильно повлияли на меня. Этот эпизод стал этапом перехода с одной ступени развития на другую, более высокую.

ПОТЕНЦИАЛ

Школа окончена. Я счастлив, даже несмотря на то, что не ходил на выпускной вечер, не выпил три пинты шампанского и не заблевал фрак друга одноклассника. Так получилось, что еще после девятого класса, многие покинули дом знаний, а оставшихся распределили в разные классы. Коллектив смешался в густой коктейль, и за два года не успел сплотиться в единую команду. Кто-то остался сам по себе, кто-то вошел в местечковые небольшие компании. Публика была довольно разношерстной и, в целом, не совсем привлекательной, поэтому я не влился ни в одну общину. Друзей в школе у меня особо не было, но это меня не расстраивало.

В тот момент, как это бывает, не было конкретной определенности, кем именно я хочу стать, была лишь тяга к умственной работе, к работе с людьми. Тогда я основательно был увлечен социальной сферой и думал, что вклинившись в эту среду, начну развиваться духовно. Будущая деятельность представлялась мне в весьма ярких красках. Как зарабатывать на этом в перспективе, я не задумывался, как и не понимал, что в те дни психологов и социальных звезд выпускали конвейером, так как мода на такие профессии привлекала многих. Знаете, как это бывает: мы такие принимаем правильное решение, такие максималисты, нас так и распирает от амбиций, мы размышляем только о важных вещах, думаем о делах достойных, стремимся свернуть горы, чтобы достигнуть цели, пытаемся самореализоваться, получить внутреннее удовлетворение. Ох уж наши первые мечты! В такой период жизни, когда мы неопытны и молоды, розовые очки так и норовят сдавить наши мозги на хрен. Забавно то, что тогда не было четкого понимания: а что дальше и куда ты будешь двигаться?

Через такие мысли проходит основной пул наших выпускников, я уже не говорю о том, что творилось в головах подростков в те двухтысячные годы. Речь не конкретно о благих намерениях и съехавшей на этой почве крыше, речь скорее о том, что у молодежи нет ориентиров на будущее, они приходят спустя годы. Ведь и по сей день система профориентации в нашей стране оставляет желать лучшего. Но не об этом сейчас. В итоге я остановился на двух университетах, один из которых был с педагогической склонностью, а другой – самым престижным во всем регионе, куда стремились попасть все масти: как из элитной молодежи, так и жители из отдаленных райцентров.

Первые экзамены в педагогический университет, куда я поступал на факультет педагогики и психологии, я провалил. Вторые, в тот самый «престижный», где в страхе не сдать тест по русскому языку, умудрился протащить с собой в аудиторию целый учебник, тоже. Бывают такие отчаянные и суровые абитуриенты, не мне вам об этом рассказывать. Помню, как мне удалось вытащить этот учебник из-за пазухи, куда я его спрятал, прикрыв сверху рубашкой. Я прижал его коленкой под партой в надежде найти ответы и увидел подходящего педагога. Очко мое тогда сузилось до предельных границ, адреналин лился рекой, но все обошлось, когда преподаватель вернулся на свой трон, а я скрыл улику. У меня не получилось поступить ни в первый ВУЗ, ни на факультет философии и социологии во второй. Я не мог понять, почему, ведь перед судным днем так усердно готовился. Мне удалось по методике ассоциативной цепочки от корки до корки изучить учебник «Обществознания», я подключил знакомых для помощи в математике, и, по каждому предмету готовился со всей отдачей. Увы, как это бывает, найдутся именно те вопросы и задания, где твоя компетенция и знания лишь пыль в глаза. Короче, я просрал все экзамены и был разбит. Что теперь делать?!

Я впал в депрессию и пытался себя чем-то занять. Было лето, кругом меня окружали улыбающиеся молодые люди, в которых я видел счастливых студентов, успешно сдавших экзамены. Паранойя, чувство неуверенности и самоистязания нагнетали обстановку. В те времена меня поддерживал брат, мой кумир и заменитель отца, который говорил, что такое случается, тем более, когда ты поступаешь на бюджетную основу, и что год – это не потеря времени,

а возможность подготовиться более тщательно. Не стоит расстраиваться и следует набраться терпения. Он всегда в меня верил и разделял мои намерения. Было тогда и еще одно лекарство для души, ее звали Лера.

Лера была довольно странной молодой девушкой. Высокая брюнетка, стрижка каре, вечно рассуждающая о судьбе мира и человеческом мировоззрении. Она была чем-то похожа на хиппи, которые носят длинные юбки с блузками или платья свободного кроя, хотя конкретно стиля той эпохи не придерживалась, как и не имела пристрастия покурить травку. Мы познакомились совершенно случайно, через общего приятеля, и подружились на почве взаимного интереса к гуманитарным наукам. Лера уже тогда училась на втором курсе факультета психологии и видела в нашем общении что-то для души. Она могла часами рассказывать мне о своей институтской жизни, о преподавателях, и, в частности, о старике профессоре, который был ее кумиром, которого она боготворила и относилась к чете призванных вести за собой простых смертных. Я, в свою очередь, при наших эпических встречах, пытался вырваться из гипнотического транса, в который она меня вводила своими историями, и стремился задать как можно больше вопросов об учебе, экзаменах и о подводных камнях профессии «психолог», кем она в перспективе должна была стать, и кем мечтал стать я сам.

Летними вечерами мы часто гуляли вместе и были похожи на молодую пару. При взгляде на нас, можно было смело сказать, что мы подходим друг другу, но в действительности об отношениях не могло идти и речи. Лера была влюблена в своего профессора, хотя и понимала, что это лишь страсть. В конце концов, мы были лишь друзьями.

Она была своеобразна, привлекательна и интересна мне, но как джентльмен, я придерживался дружеских взаимоотношений и не позволял себе расколоть наш уютный мирок. Было лишь одно щекотливое обстоятельство. Как-то Лера рассказала мне о своем скромном опыте в близких отношениях с мужчинами. В перспективе, помимо институтской жизни, она намеревалась построить свою личную жизнь и считала, что для этого ей нужен небольшой курс, который позволил бы предстать перед своим будущим избранником более опытной. И вот, как-то вечером, когда мы прогуливались и болтали о великом, Лера попросила меня устроить ей мастер-класс оральных удовольствий. Я поначалу очень смутился, но гормоны, сидящие на левом плече, быстро привели меня в сознание. Девочка-хиппи пояснила, что мы взрослые люди, доверяем друг другу, и ей нужен этот урок, она сделает все, что нужно, и мне ни о чем не стоит беспокоиться. Я согласился. Самое интересное, что это событие никак не отразилось на нашей дружбе.

Лера, как и брат, успокаивала меня и поддерживала в моменты уныния и тревоги, которые время от времени посещали мое и так разбитое сердце после фиаско с университетами. Она была даже не столько моим лекарством, сколько другом, который занимал и отвлекал меня от пагубных мыслей. Однажды, когда мы вновь встретились, Лера предложила познакомиться с ее приятелем Андреем, с которым она накануне договорилась о встрече. Не скажу, что это был роковой летний вечер, но после этого знакомства во мне зародилась идея, которая надолго закрепилась в сознании.

Друг Леры был выше меня на голову. Молодой парень крепкого телосложения носил усики, как у студентов времен Советов. На голове красовались безмерно длинные шелковые волосы, которые он заплетал в разгильдяйскую косичку. Потертая косуха, обесцвеченные джинсы и потрепанный вид чем-то напоминали неформала, а бегающий и недоверчивый взгляд подтверждали это.

Андрей также был увлечен психологией, всеми видами восточной философии, идеями кармы, катарсиса и прочего духовного и умственного груза одновременно. Чем он занимался, я не вспомню, но помню, что после нашей первой встречи мы часто проводили время у него дома, в комнате, где любой засранный уголок был предметом интерьера. Мы очень много философствовали и рассуждали о трудностях человека, как личности. С чем людям прихо-

дится сталкиваться в жизни, как они реагируют на происходящие события и факторы, которые побуждают их к тем или иным действиям. Вот что нас интересовало. Андрей, в отличие от меня, был более импульсивен в своих речах. Короче говоря, встретились два фрика, и благодаря общим интересам и энтузиазму родилась общая идея: идея создать свой тренинговый клуб – место, где можно было бы организовывать встречи с такими же придурками, как мы. Не скажу, что речь шла о масштабном открытии клуба с арендой помещения и формированием обучающих программ. Задумка была в том, чтобы собрать небольшую группу психопатов, пару раз в неделю встречаться дома у Андрея и скромно обсуждать смысл жизни, познавая тайны мироздания. Мы даже название клубу придумали, вернее, Андрей скреативил – тренинговый клуб «Катарсис».

Досадно, но мы так ничего и не сделали, идея осталась лишь плодом наших не реализовавшихся фантазий. Более того, через какое-то время мы прекратили всякое общение, чувствуя наверно, что каждый пытается превзойти своего оппонента, но идея и сама мысль остались со мной. Именно зарождение тренинговой темы, запустило впоследствии цепную реакцию. Я увлекся этим видом личностного развития и связал свою страсть к психологии с групповыми коммуникациями. Теперь я начал все больше и больше стремиться туда, где можно найти не одного единомышленника, а целые сообщества себе подобных.

Я воскрес, и год до очередных экзаменов решил провести в поисках новых ощущений и в знакомствах с новыми людьми. С Лерой, к моменту моего открытия, мы тоже перестали встречаться, ее еще глубже затянула студенческая жизнь, а меня – катарсис.

СЕКТЫ

Церковь Иисуса Христа (если мне не изменяет память, то, кажется, она называлась так) – первая секта, в которую я попал еще ребенком. Поясню: это не та церковь, где пропагандой религии занимаются мормоны – чуваки в белых рубашечках, с рюкзаками и манящими улыбками. Секта, в которую попал я, было сообществом, которое каждое воскресенье собирало массу людей в различных дворцах культуры. Представители брали в аренду зал, на сцене которого устанавливалось музыкальное оборудование, и после того, как являлись прихожане, братья заряжали христианский рок под электрогитары, барабанные биты и пели песни в стиле: «Христос воскрес, он нас любит, мы его ждем... аллилуйя». Короче, все это представление походило на церковные мероприятия чернокожих христиан. Да-да, прямо так, как вы видели в кино. Также у этих ребят зачастую проводились собрания в квартирах, которые они именовали «ячейками». Там выбирали одну из глав Библии, зачитывали, после чего начиналась бурная дискуссия на выбранную тему. Раз я упомянул о том, что впервые попал туда еще ребенком, расскажу в двух словах о том, как это произошло.

Мне было около одиннадцати лет. Тогда мама общалась с интересной семейкой, которая часто приглашала нас к себе в гости на чай. Главу семьи звали Петр. Мужик лет сорока, весь такой брутальный, волосатый, с черной бородой и голосом Джигурды. Мама брала нас с братом и направлялась домой к этим адептам, где каждую подобную сходку мы подвергались гипнотическим чарам этого священнослужителя. Он рассказывал о боге, любви, о прощении грехов, о заповедях и прочих элементах, привносящих смысл в жизнь. Когда он излагал помыслы божьи, глаза его горели, голос гремел, чувствовалось, что вот-вот он схватит тебя за плечи, начнет трясти и кричать: «Покайся!!!». Короче они нас убедили посетить воскресное мероприятие той самой Церкви, куда я впервые и попал к ликующим праведникам. Мы, конечно, не стали истинными поклонниками, и нас не отправили на органы, поскольку со временем мы заподозрили, что что-то тут не так, и перестали туда ходить. К чему, в конце концов, я веду? Интерес к тренингам после общения с волосатым Андреем в косухе повлиял на мою любознательность не только в области саморазвития, до них я еще доберусь, но был теперь направлен и на нетра-

диционные мероприятия. Часто бывает, что тебя что-то цепляет и интерес к этому начинает расти со скоростью света. Так было и со мной, и я летел вперед сквозь паутину звезд.

Спустя много лет после моего первого знакомства с церковью, произошло следующее событие. Однажды мой друг детства, Герман, познакомился со странными типами и стал чаще пропадать с ними на сомнительных встречах и собраниях. Пару слов об этом уникальном человеке. Познакомились мы с ним еще в районе шести лет. В его садике начался ремонт, и детей растусовали по разным группам в другие детсады. Так мы и встретились впервые. Я этого обстоятельства, правда, не помню, но запомнил он, и по его словам, первая встреча произошла именно в стенах воспитательного дома. Потом выяснилось, что мы жили в соседних дворах, ну и после сдружились. Герман жил с мамой и так же, как и я, был представителем той касты семей, где папа свалил. Он был кудрявый мальш, некрепкого телосложения, с грандиозным образом мышления и нестандартным воображением.

Мы часто договаривались о совместных встречах. Тогда один из нас брал пакет игрушечных машинок и приходил в гости к другому. В те времена мы умудрялись развернуть на бабушкиных паласах целые города со своей инфраструктурой. Мой друг отличался от других, и это сыграло немаловажную роль в его будущем. Когда он подрос, то примкнул к неформальным сообществам. Гопники тех времен, которые плодились как грибы после развала Союза, делали их жизнь нелегкой. Но он нашел свой круг общения в лице таких же инопланетных птиц, как и он. Стоило лишь мигрировать в другую школу. Неформалам тогда было особенно тяжело, их преследовали как белогвардейскую армию. Я же тогда общался и с теми, и с другими, и так получилось, что мы с Германом привязались другу к другу и не теряли связь, поскольку имели общие интересы. С этим человеком мы вырастем, станем взрослыми, будем дружить семьями и переживем вместе немало драматических и прекрасных моментов в жизни. Но всему свое время.

Уже в юности он был окружен союзниками, заводил все новые и новые знакомства, общался то с одними представителями веземной среды, то с другими. Таким образом, он и угодил в ту самую общину, где я успел невольно побывать еще сопляком.

В тот период другу моему снесло крышу, а ловить его сознательность приходилось на Нептуне. Он увлекся религией, Иисусом, отпущением грехов и глаголил истину словно пастор, съехавший с катушек. Под этот замес, конечно же, попал и я. Не скажу, что Герман стал фанатиком или недругом своего разума (поверьте, я очень люблю его, и мы по сей день общаемся), просто он связался не с теми ребятами. Ведь известно, как порой молодые люди бывают впечатлительны на пути становления и укрепления личности. Каждый из нас по-своему проходил подобные этапы в жизни.

Так, увлеченный своим хобби, словно Тайлер Дерден из Бойцовского клуба, я подписался посетить воскресный брифинг святых на грешной земле, где увидел зрелище покруче концерта Роллингов. Помещение ДК было забито внушительным количеством женщин, мужчин и детей, на сцене колбасились божьи дети. Они жгли христианский рок, который разносился по всему залу. Кругом стояли люди с поднятыми вверх руками, плакали, смеялись и кричали: «Аллилуйя», «Аминь». Общая атмосфера была наполнена позитивом, ликованием и единением. Все чувствовали себя братьями и сестрами. Картина поразила меня, но виду я не подал. Мне было интересно и любопытно, какого хрена здесь происходит. Ко мне часто подходили и спрашивали, как меня зовут, как мои дела, настроение, и кто тот брат или сестра, что привели меня в этот божий дом. После того, как звезды местного коллектива заканчивали свои хиты, выходил пастор с Библией в руках – мужчина крепкого телосложения, с бородкой и американской улыбкой. Далее следовало приветствие и благодарность окружающим за то, что те пришли. Потом следовала проповедь, где тот же пастор зачитывал одну из глав Библии, давая к ней комментарии. В этот момент в зале по рядам змейкой запускалась корзинка для пожертвований, и в процессе этого благодеяния представитель церкви говорил:

– Братья и сестры, не скупитесь и пожертвуйте столько, сколько можете. Вы знаете, что мы собираемся здесь благодаря этим деньгам. Ведь для того, чтобы нам собраться здесь, нужно оплатить аренду. Аминь!

И люди, с видом исполненного долга, клали в святую корзинку свои деньги и радовались этому. После завершения проповеди пастор делал заключительные наставления, и люди начинали расходиться, возвращаясь в грешный и наполненный соблазнами мир.

Это мероприятие произвело на меня неизгладимое впечатление, и я стал вновь и вновь приходить на воскресные служения. Герман, получив каким-то образом сан или что-то подобное, трижды меня крестил и отпускал грехи. Возможно, он делал контрольный акт исцеления, потому что я все время сомневался. Процедура эта выглядела интересно: остановившись у дерева, друг клал ладонь мне на лоб и с закрытыми глазами произносил спасительные слова, которые я должен был повторять, после чего мы произносили «Аминь». Теперь я становился чистым и свободным, а главное – прощенным за содеянные грехи. Я не скажу, что был набожным или религиозным. В бога я верил тогда, но происходящее меня смущало, что вызывало недоверие к его новым друзьям. Чувство, что что-то тут не так, уберегло меня от вероятности стать очередным адептом, как в случае с Петром-Джигурдой. В любом случае, все это было для меня экспериментом.

***

Так я познал и увидел своими глазами, как выглядит орудие массового поражения через идею. Второе знакомство с сектой было скомпрометировано мною самим. Там я понял, что такое индивидуальная обработка, гениальная вербовка и последующая манипуляция человеческим сознанием и образом мыслей.

Для парня восемнадцати лет, не примкнувшего к дому знаний после школьных парт, было логично себя чем-то занимать. Еще до знакомства с братьями из церкви, под видом страдающего депрессией подростка, я часто посещал психологов, которых находил в желтых страницах и прочих справочниках. Перед очередным визитом в центр на сеанс взрываешь упругий косяк и с безмятежным видом страдальца погружаешься в дебри человеческого подсознания, откуда специалист пытается вытащить тебя и помочь. Эксперименты были увлекательны и развивали еще больший интерес к подобным приключениям.

Вторая секта именовалась как «Церковь объединения», во главе которой господствовал южнокореец Мун Сон Мён или Сан Мен Мун, отдавший концы в возрасте девяти лет в две тысячи двенадцатом году, на похоронах которого присутствовало порядка двухсот тысяч человек. Понимаете масштабы, да? Об этом парне много написано. Можете окунуться в сеть, интернет вам в помощь, информация абсолютно открыта.

За окном была вторая половина лета двухтысячного года. Я прогуливался, и мне нужно было миновать перекресток, чтобы добрести до магазина, где продавались видеокассеты. Перекресток этот был оснащен подземными переходами, где всегда было много людей. Среди этой суеты на остановке стояли две девушки, которые всматривались в толпу и выискали своих жертв. Увидев их, я сразу понял, что это община или нечто подобное. Намеренно замедлив свой ход в трех метрах от девиц, и сделав растерянный вид, мне удалось привлечь их внимание. Молодые девушки, смекнув, что можно зацепить еще одну душу, подошли и поздоровались. Деталей разговора я не вспомню, но суть была такая: они находятся в поисках здравомыслящих, нравственных и ищущих бога людей, представляют сообщество, где процветает доверие, любовь и жажда освободиться от мирских притязаний и пороков. Я представился и поинтересовался, где можно их найти и как к ним попасть, на что сестры Наталия и Роза мне ответили:

– Наш обучающий центр находится совсем рядом, если у вас есть время, мы можем прямо сейчас пойти, попить чай и познакомиться ближе.

– С удовольствием, Наталия, – отвечал я той, что была более строптивой, – но я сейчас немного занят. Вы можете написать мне адрес, и я зайду к вам на днях.

– Адрес мы, конечно, можем дать, но, Спартак, у нас сейчас как раз будет проходить вводное занятие, вы могли бы познакомиться и с другими участниками. Это не займет много времени, – настаивала девушка с горящими глазами и невинной улыбкой.

В голосе Наталии была нотка смущения и опасение спугнуть дичь. У ее напарницы, напротив, был невозмутимый взгляд. Роза была меньше ростом, и один ее глаз был немного прикрыт (мышечная атрофия или другая беда), что создавало нагнетающую атмосферу. Она молчала, но по ее глазам было видно, что вот-вот, если я откажусь, она достанет из-за пазухи нож и воткнет мне его в шею. В конце концов, я деликатно выпросил адрес, который получил на клочке бумаги и, договорившись о своем визите, удалился.

Спустя какое-то время, наконец, я заявился к мунитам. Муниты – от имени их лидера Сан Мен Муна. Учебный центр находился в оборудованной трехкомнатной квартире. Там всегда было несколько старост и три лектора, которые проводили обучение. Зал был оснащен доской, где иллюстрировались и фиксировались детали их учения. Лекции проходили в весьма в свободной обстановке. Жертвы сидели на мягком паласе, слушали наставления и открывали для себя новые подробности из библейской истории. К примеру, про первый грех, после которого Бог напнул из рая детей своих, нам рассказывали так: грех, сотворенный Адамом и Евой, заключался в том, что они совершили половой акт. Как утверждали муниты, Библия – это книга символов и ее нельзя воспринимать буквально, поэтому «змий» олицетворял плотское похотливое вожеление, а «яблоко» – секс.

– Вы часто видите на картинках и рисунках, как изображаются тела Адама и Евы в Эдеме до совершения греха. Они ничем не прикрыты. После того, как они согрешили, тела их прикрыты листьями, – говорил лектор, тыча указкой на картинку в область бикини Евы. – Перед ликом божьим они так же прячут свои лица, потому что стыдятся содеянного.

Члены этой отдельной цивилизации были помешаны на целомудрии и невинности, но что больше всего меня поразило, так это приводимые аргументы. Слушая их, я ловил себя на мысли, что тут поработали гуру маркетинга и нейролингвистического программирования. Каждая деталь, каждое возражение со стороны присутствующих тут же разяснялись конкретными и логичными пояснениями. В ходе лекций бывало такое, что некоторые участники, недоумеая или протестуя сказанному, задавали вопросы, на что получали порцию четких распакетованных ответов, словно лекторов готовили так, как готовят шпионов на случай, если те попадут в гестапо. Стратегия вербовки была также тщательно спланирована.

Напоминаю, квартира учебного центра была трехкомнатной: зал и две комнаты. Зал был первым этапом, в котором обучение длилось месяц, по несколько встреч в неделю. Вначале лекция, а после мы собирались в круг, пили чай с печеньками и рассуждали об услышанном. Все выглядело как у анонимных алкоголиков. По окончании «занятий», их называли еще и так, все вставали, образуя круг, где один из вожаков брал гитару и мы пели песни из разряда «как здорово, что все мы здесь, сегодня собрались». Потом расходились по домам. Но как расходились! Зачастую группа двигалась в одном направлении к ближайшей автобусной остановке. Лекторы, среди которых были Наталия с Розой, всегда нас провожали. Всякий раз, когда мы возвращались с обучения, они с папочкой в руках общались то с одним респондентом, то с другим. Велся диалог, задавались разного рода вопросы для рассеивания сомнений и закрепления пройденного материала, уделялось персональное внимание и забота. «Ты личность, мы тебя любим и ценим, все мы братья и сестры, все мы дети божьи» – вот что можно было прочесть в зазывающих и пристальных взглядах этих добрых людей. Гениально!

О помешанности этой общины на целомудрии и невинности: разьясню этот их принцип в деле. Так получилось, что мое внимание привлекла одна молодая особа, которая попала к ним, как и многие другие. Вкусные конфеты о боге, взаимной ценности и коллективной семейной

дружбе убедили ее посетить пристанище святых. Ее звали Эдиль. Молодая девчонка невысокого роста, вечно на позитиве и находившаяся в поисках друзей. Как позже я выяснил, жила она с бабушкой и была сиротой. Круг ее общения был очень узким. Возможно, все это и привело ее к решению познакомиться с мунитами поближе. Возникшая между нами симпатия была взаимна, поэтому после завершения занятий, мы часто шли вместе и болтали, а когда на остановке все расходились, мы двигали гулять дальше. И вот, в какой-то вечер, после очередной братской встречи, когда мы вышли из центра-квартирника, ко мне подошла Наталия и попросила пройтись с ней вдвоем в другую сторону. Я согласился. Тут-то я и познал, что значит идти в разрез с интересами мунитов и нарушать их заповеди. Она начала заливать мне, что отношения между мужчиной и женщиной должны быть чисты, что до бракосочетания даже прикосновения друг к другу приравниваются чуть ли не к греху, что своим поведением и общением с этой невинной душой я могу навредить себе и ей, запятнать свою и ее репутацию перед лицом божьим. Короче, меня отчитали как девственника, который подсматривал за голыми тетками в общественной бане. Наталия взяла с меня слово, что больше я не буду общаться с Эдиль и перестану ее провожать. К этому времени мы с Эдиль уже обменялись телефонами, и она поведала мне, как тем же вечером ее отозвала Роза и устроила подобную проповедь с нравственными наставлениями. Мы долго смеялись и решили, что уходить теперь будем по отдельности и встречаться в другом месте. Кстати, через месяц мы повторили грех Адама и Евы.

Когда закончился первый месяц с лекциями о боге и зомбированием под свою доктрину, начался второй этап. Наконец мне посчастливилось попасть за дверь одной из двух комнат. Она была меньше, и там стояли телевизор с видеомagneтофоном. Во вторую комнату попадали не все, многие сливались, а многих сливали, когда адепты понимали, что человека не завербовать. Я же влился в доверие и прошел первый экзамен, поскольку умел и знал, как потакать людям, преследуя свои интересы. Во второй комнате началось самое интересное. Нам начали рассказывать о Сан Мен Муне, показывать документальные фильмы о его жизни.

Однажды этот благочестивый муж прозрел, получил знак свыше, и наивысшие силы открыли ему истину: он и есть второе пришествие Христа, он и есть Иисус Христос. Теперь он мессия, и миссия его – объединить все религии мира, чтобы спасти человечество от сатаны и помочь людям обрести счастье и Бога. Я особо не удивился, потому что заранее был прокачен и знал про Церковь объединения все. Меня интересовало то, как им удается это делать: воздействовать на людей, убеждать, и, в итоге, управлять ими. Как оказалось, технология несложна. Муниты зачастую искали тех, кто одинок. Двери открывались перед теми, кто был слаб и не уверен в себе. Учитывались и такие аспекты, как психологические травмы, сложности в личной жизни. И вот сидит на лекциях человек, жаждущий любви, понимания и заботы, и видит, какие все здесь довольные жизнью, уважают и ценят друг друга, поддерживают и слышат тебя. Бац! И через несколько месяцев ты уже ходишь и зарабатываешь деньги для семейной общины.

Вообще Мун – чувак очень умный. Он реально крут, ведь ему удалось создать мощную идеологию, целую, можно сказать, религию, к которой присоединились миллионы людей. Они свято верят в то, что он бог, и его слово – слово всевышнего. Странно, но никто почему-то не обращал внимания на то, что Мун неоднократно сидел, имел конфликты с законом в Америке за неуплату налогов и часто хулиганил в противовес божьим законам, на то, что он был миллиардером. Мессия имел свои корпорации с многомиллионным оборотом, ему принадлежали: завод по производству цветных металлов, газетные издательства, автомобильный завод, пищевые компании, концерны по производству лекарственных препаратов, 2600 Га земли в Южной Корее и т.д. Можно перечислять долго. Засерфите в инете, информация имеет открытый доступ. Молодожены этой секты были счастливы, если сам Мун благословлял их на бракосочетаниях, которые организовывались массово.

Вот что из себя представляет Церковь объединения. Сложно сказать, что творилось в головах последователей этого сообщества и подобных ему. Одиноки они, несчастны или корыстны, не важно. Не нам судить о таком выборе. Каждому свое. И если люди примыкают к этим мирам, значит, они видят в этом свой смысл. Надеюсь, после этой главы меня не отправят к богу.

Это была последняя секта, в которой я побывал. Получив то, что нужно, эксперимент успешно был завершен. Бывало, мне встречались на улице Наталия с Розой, и спрашивали, что случилось, почему я перестал ходить к ним. Ссылаясь на массу причин, в конце концов, я стал для них безнадежен, и приспешники своего бога достойно отвалили. Теперь я стал искать новые развлечения и объекты, которые позволили бы мне открыть еще неохваченные границы.

ТРЕНИНГИ И ГУЩЕВЦЫ

Наверняка многие из вас посещали или сталкивались с тренингами личностного роста. Стремление избавиться от нежелательных привычек, разрушающих или негативных особенностей характера, намерение развить свои сильные стороны, научиться чему-то новому и добиться тех результатов, которые приведут к самоутверждению или самореализации. Достойные и прогрессивные цели, безусловно. К счастью, многим удается получить то, за чем они приходят на подобные мероприятия, но бывает и такое, что результаты тренинга и ожидания участников не всегда совпадают. Много зависит от того, насколько качественно адаптировалась разработанная и запущенная программа, как она менялась в ходе практики, шлифовалась и дорабатывалась. Именно с таким дебютом мне посчастливилось столкнуться после сектантских походов.

Накануне завершения одиннадцатого класса в школе, где я учился, закрылась вакансия психолога. Молодая девушка, которая, видимо, совсем недавно вкусила прелести этой науки, только приступила к своей деятельности. Когда мне стало известно о новом человеке, чья профессия вызвала в моей душе трепет, я незамедлительно отправился в кабинет решения всех проблем. Учитывая менталитет нашего народа и его отношение к специалистам подобного рода, действовать нужно было осторожно и конспиративно, иначе я мог быть неправильно понят сверстниками, которые потом коллективно заклеямили бы меня психом или придурком. Поэтому, выбрав нужное время и нужный момент, я незаметно проскользнул в логово эксперта.

Монолог о трудностях подростковой жизни, экзистенциальный лепет и пулеметная очередь из жалоб в стиле фрейдовского «Я», к моему удивлению, сбили с толка юного специалиста. Мастер в области психологии не смогла разобраться в этих лабиринтах. Опыт, практика и компетенция, видимо, еще не достигли нужного уровня, поэтому она предложила неожиданное решение:

– Есть один психологический центр. Там работают специалисты, которые могли бы разобраться в твоих вопросах. У них время от времени проводятся индивидуальные и групповые встречи, возможно, тебе это как-то поможет. Вот адрес и телефон, сходи туда, – говорила молодая девушка, записывая контакты на бумажке.

Центр находился не так далеко от школы, двадцать минут пешим ходом и храм властителей человеческих тайн предстал перед моим взором. Типичный девятиэтажный дом постсоветских времен, где с одной стороны, напротив проспекта, было быстро, которые стремительно развивались на рынке общепита, а с другой, во дворах, за металлической дверью, находился тот самый центр. Легкой походкой я вошел в коридор и устремился в нужный кабинет. За столом сидел взрослый мужчина, который годился мне в отцы. Он явно был боссом. Взглянув из-под бровей в сторону гостя, он предложил присесть и спросил о цели моего визита. Я рассказал о том, где учусь, о молодой девушке и ее рекомендациях обратиться в этот центр. Мужчина

задал несколько вопросов, чтобы понять, являюсь ли я тем, кто действительно нуждается в какой-либо помощи. Не углубляясь в тонкости сотканной мною паутины, я дал понять доктору о необходимости в их услугах. Выслушав синтетический крик души, он поведал, что на сегодня групповые тренинги, которые в основном практикуются в их центре, не проводятся, но в скором времени будет набираться группа, куда я могу попасть и стать участником программы. Я искренне поблагодарил этого человека и оставил свои контактные данные, после чего мы условились, что как только ситуация поменяется, мне сообщат и пригласят. Мероприятия центра проводились бесплатно, поэтому оставалось только ждать.

После этой встречи я окончил школу, провалил все вступительные экзамены, подружился и расстался с Лерой, и успел внедриться в сектантское логово, откуда успешно свалил. Лето подходило к концу, на горизонте уже маячили проблески пожелтевшей листвы, и пахло грядущей серостью осенних вечеров. Когда на мунитах была поставлена жирная точка, у нас с Эдиль закрутился роман. Мы начали встречаться и официально числиться влюбленной парочкой. Два месяца мы кувыркались, зажимали друг друга на пустынных аллеях и мечтали о счастливом будущем. Но спустя время интерес исчез, страсть померкла и, еще совсем недавно горящие глаза сменились холодным взглядом. Мы разбежались: она со слезами, а я – с облегчением.

В такие моменты можно часто услышать, мол, такова жизнь, но скорее, таков человек. Наши мысли и поступки, вот что делает жизнь такой, какая она есть. Обстоятельства, в которых мы находимся, положение дел в мире, в конце концов, все, что нас окружает, есть плод творения рук человека. Не мне вам об этом рассказывать. И уж если говорить о взаимоотношениях, то слепить их не так уж и сложно, как и не сложно разрушить, что я собственно и сделал. Почему? Глупое, но зачастую верное «не сошлись характерами», здесь не совсем уместно. Я просто понял, что у нас нет никакого будущего, понял, что не испытываю к Эдиль настоящих чувств, а без них становишься пожирателем и своего, и чужого времени. Хоть мы и были еще совсем молодыми, с кипящей кровью и зудящими бедрами, но уже тогда подобный расклад не входил в мои интересы.

После этой болезненной и неприятной разлуки, наконец, произошло долгожданное событие. В центре, куда я ходил и где оставил свой телефон, начали собирать группу подростков для участия в тренинговой программе личностного роста. Мне позвонили.

Сначала группа не набирала и десяти человек. Как выяснилось позже, на кастинг попадали в основном ребята с определенными трудностями: депрессия, сложности в общении, замкнутость, одиночество, попытки суицида и прочий букет мозговыносящих бед побуждали обращаться в этот центр родителей, социальных педагогов и психологов. Пиар и маркетинг не являлись инструментами для увеличения потока участников, поэтому, как я уже писал, нас было мало, но со временем число нашего сообщества постепенно начало расти, и уже через месяц численность братства достигала более пятнадцати человек. Несмотря на пополнение, оставались не все. Со временем некоторые сливались, поскольку интересы расходились, а сам коллектив был весьма специфичен.

Всех не вспомню, но ярких звезд было, все же, достаточно. Например, дикий инфант Валентин, на которого было больно смотреть, а еще больнее говорить с ним. Во время разговора, который больше походил на монолог, этот паренек опускал бегающие глаза на потертый линолеум, коленки его сжимались, а речь превращалась в несвязный шепот из слогов. Самое интересное, что через несколько лет я встретил его в троллейбусе: он работал кондуктором. Тренинг явно пошел на пользу.

Была девочка по имени Изабелла, с улыбкой голливудской дивы, вечно бросавшаяся всем на шею: она готова была растаять в объятиях всякого, кто позволял ей это делать. В действительности, за этим обрядом скрывалось глубокое одиночество, жажда внимания и признания. «Милашка Дона», вечно с синими кругами под глазами, безмятежным видом и полным пофи-

гозмом к происходящему в мире и в собственной жизни. Такое равнодушие было вызвано пьянством ее мамы и проблемами в семье.

Господствовал и заведовал воплощением в жизнь тренинговой программы Алекс, молодой психолог, парень лет тридцати. Темноволосый кардинал с вечной улыбкой, хитрыми глазами и дружелюбным взглядом. Он окончил университет и каким-то образом попал в этот центр, где ему дали карт-бланш, после чего он и стал автором проекта, благодаря которому многие из нас закопались в лабиринтах своих чувств и эмоций. Алекс явно использовал приемы Клауса Фоппеля⁵, элементы гештальт-терапии и тонкости коммуникаций. Программа представляла собой интерактивные игры, после которых следовала обратная связь в виде коллективных обсуждений на предмет произошедшего или происходящего. Мы садились в круг и устраивали разбор полетов. Ощущения и чувства, внутреннее состояние и перемены, – обсуждалось все. Занятия всегда проходили в позитивной и раскрепощенной атмосфере, и зачастую Алексу не удавалось контролировать пыл и буйство гормонов присутствующих.

В ходе процесса исцеления душ, продлившегося чуть меньше года, в группе сформировалась отдельная жизнь. Каждый участник изначально пытался разобраться в себе и найти поддержку, но страсть, плававшая в сердцах и разгонявшая молодую кровь, и жажда новых ощущений, временами превращали тренинг в шоу и праздность. Многие из нас стали общаться вне стен центра, и по вечерам, после занятий, компания невротиков, только что ныншая о своих проблемах, традиционно шла опустошить несколько цистерн пива. Несмотря на внеплановое развитие событий, желаемые результаты, на которые делал ставки Алекс, все же были достигнуты.

По завершению программы, многим из тех, кто остался и до конца прошел этот путь, удалось воспрепятствовать своим страхам, побороть неуверенность и сделать хоть что-то, что привело к успеху.

Даже если кто-то оказался в этом центре не по своей воле или приходил ради куража, тренинг помог и им открыть нечто новое и разобраться в себе.

Проект был окончен, и каждый для себя что-то извлек. Кто-то нашел общие интересы, у кого-то закрутился амур, а одну пару я и вовсе не ожидал увидеть в кафе через тринадцать лет с двумя сыновьями. Ребята поженились и создали семью.

Тренинг дал мне понять, насколько ранимо и хрупко сердце человека, и, как все-таки сложно людям подобраться друг к другу. Страхи, недоверие и бывшие травмы: все это мешает довольствоваться жизнью и развиваться, а ведь именно этого все и хотят – хотят жить достойно.

***

Шел две тысячи первый год. Я блуждал по городу, общался с разными людьми, размышлял о жизни и мечтал поступить в университет. У меня было непоколебимое убеждение, что образование, на которое я покусился, раскроет передо мной широкие возможности. И пока мечты разрастались в молодом воображении, страсть к саморазвитию свела меня с ребятами, которые в корне отличались от моего окружения. Их тогда называли неформалами. Ну, они были, прям, настоящие нефоры! Сейчас этот термин, по всей видимости, вымирает, поскольку я его слышу все реже и реже.

Не признанные и гонимые субкультурные слои общества. Не вспомню, как именно я познакомился с ними, но в памяти всплывает объявление на фонарном столбе, которое, возможно, и привело меня в этот частный закрытый кружок. Короче, это были отъявленные анархисты с категоричным убеждением, что любая власть – это манипуляция, навязывание жизненных устоев и эксплуатация человеческих ресурсов в своих целях. Конечно, они не устраивали

---

⁵ Клаус Фоппель – немецкий психолог, психотерапевт, известный как популяризатор так называемых интерактивных игр, созданных на основе различных видов психотерапии: гештальттерапии, психодрамы и прочих методик.

акций против государства, не вели подпольную деятельность и не пытались подорвать систему. Молодые люди были не опасны и вели размеренную жизнь, где основой была независимость. Они лазали по городу, блуждали по заброшенным местам, играли на гитарах в подземных переходах и пели Гражданскую оборону и Цоя, чтобы выручить мелочь на пиво, а кто-то даже учился в университетах. Ребята называли себя «личностями творческими», многие писали стихи и рассказы. В их центре, что находился в подвале одного из жилых домов недалеко от телебашни, проводились тренинги, коллективные игры в стиле мафии и крокодила, и велся свой мини-журнальчик, где и публиковались их произведения.

Лидером этой неформальной группы был парень по имени Рим, которого еще называли в этих кругах Денни или Сталкер. Он учился на психолога и совместно с женой организовывал все мероприятия. Добрый и осторожный студент, в очках, невысокого роста, с видом ботана. Он видел смысл центра в реализации внутреннего потенциала каждого, кто посещал эту ячейку. Интересный был тип этот Денни. Как-то, когда мы стали общаться ближе, он попросил меня взять травки. Я обратился к приятелю, гордо носившему прозвище Продиджи.

Продиджи, потому что этот паренек, который был младше меня года на четыре, в свое время увлекался музыкой этих отможенных британцев. Тогда он носил футболку с их изображением, собирал с ними видео и имел самую большую аудио коллекцию их альбомов. Правда потом, когда шкет начал прожигать свою молодость бесперебойным курением травы, варкой манаги и потреблением алкоголя в лошадиных дозах, он продал все свои кассеты по два рубля. Выручки едва хватило на две бутылки водки. Помню даже, как мы пили ее в подъезде девятиэтажного дома. В те времена подъезды пользовались огромной популярностью. Лофт! Тогда, прobleвавшись на лестничной площадке, малыш Продиджи ругался диким матом, поскольку жалел свою коллекцию и понимал нерентабельность сделки. Но вернемся к Денни.

Я договорился с Продиджи о встрече, куда пришел с лидером центра и еще парочкой ребят. Именно после этой встречи безопасные анархисты получили от моего посредника такое определение, как «гущевцы». Понятия не имею, откуда этот термин, но он был точным описанием этого сословия. Денни одевался еще как-то прилично, но все остальные выглядели, как оборванцы. Потрепанные джинсовки, мятые косухи, местами дырявые джинсы, ботинки с тракторной подошвой, фенички, кулончики с пацификами и прочие элементы, подчеркивающие соответствующий образ. Короче, вы наверняка видели таких вечных бродяг, но ближе к делу. Мы совершили противозаконную сделку, и пошли ко мне домой, где культурно обдолбались. Один парень, который был с нами, разоткровенничался и поделился со мной, что Денни бисексуален. Недолго думая, я задаю будущему психологу вопрос в лоб: так ли это? На что он с недоверием, но с достоинством, ответил:

– Да.

– А опыт был или нет?

– Нет, не был, – спокойно продолжал Денни.

– Значит, есть желание попробовать, да? – не унимался я.

– Да, есть такое.

– Ну, ведь тогда фактически ты не бисексуал, только в мыслях, – заключил я.

Не знаю, насколько все это было правдой, возможно, это был очередной вызов обществу, а возможно Денни действительно хотел оказаться с членом во рту. Уж простите меня за прямоту.

Продолжая долбить дурь дальше, мы смеялись, философствовали о жизни, и я предложил как-нибудь состыковаться в очередной раз, взять пакет шмали, зацепить пару моих знакомых и вместе развлечься. Именно в этот день, после моего предложения, «добрый и осторожный студент в очках» задал вопрос, постановка и смысл которого навсегда закрепились в моем сознании:

– А мы притремся друг к другу с твоими друзьями?

– В смысле? – не совсем понял я.

– Ну, ведь люди разные, – стал пояснять мне Денни, – разные взгляды. Не получится так, что возникнет какое-то недопонимание?

– Да нормальные они пацаны, – уверял я.

Рим был молод, но, видно, уже не раз сталкивался с ситуациями, когда возникали разногласия между людьми, которые имели не совсем схожие убеждения и взгляды и отличались друг от друга. Несмотря на мои интересы и стремления, от меня все же пахло гопотой. В основном тогда я чаще общался с так называемыми «пацанами», которые были бичом для нефоров, особенно для таких, как Денни. У нас были свои понятия, правила, и часто «пацаны» прессовали всех, кто отличался или не входил в их коллектив. Я понял его слова позже, как и то, что различия в ментальности – действительно немаловажный факт. Поэтому, если куда-то идти и с кем-то встречаться, для начала всегда следует задаться вопросом: а кто эти люди и чем они занимаются? Короче, ботан понимал, что с моими знакомыми вряд ли получится найти общий язык, поэтому я общался с гущевцами отдельно.

Однажды мы встретились в центре города, чтобы прогуляться на территории заброшенного завода. Тогда я и увидел в Денни того самого Сталкера. Нас было человек пять. Я взял с собой карбамазепин⁶, который отжевал у своего знакомого, страдавшего эпилепсией, вкинул около четырех таблеток, и мы двинули в лабиринты умирающей постройки. Было интересно увидеть, как строение постепенно рушится и до чего завод довели перемены девяностых. К сожалению, подобную картину можно было наблюдать по всей стране. Не вспомню, что именно производил и выпускал этот завод, но знаю точно, что предприятие было сильным. Огромное здание в несколько этажей, с высокими потолками и массой разделенных корпусов и больших комнат. Чувствовалось, что здесь когда-то кипела жизнь и визжали станки. Теперь же, блуждая по этажам, среди всей этой разрухи, мы понимали: состояние фабрики походит на заброшенную Припять. Всюду осыпанная штукатурка, дырявые стены, валяющиеся металлические балки, раздробленные скелеты станков, строительный мусор, разбитый кафель. Перечислять можно долго. Короче, место явно подходило для съемок фильма из разряда постапокалиптического жанра. У меня даже фотки сохранились. В общем, здание не подлежало восстановлению, и через несколько лет его полностью снесут, а на его месте возведут новое строение, где свой офис откроет очередной банковский гигант.

Как ни странно, с гущевцами я дружил довольно долго, но все изменилось, когда Денни очередной раз попросил меня купить ему пакет травы. В то время у меня были выходы на зелье, и я был готов помочь только тем, кому доверял. Стандартный пакет травы был соразмерен коробку спичек, а это масса в шесть забитых сигарет. Эти пакеты мы называли башиками. Баш травы тогда стоил примерно сто пятьдесят – двести рублей. У меня не было знакомого дилера, поэтому возникала небольшая цепочка, когда ко мне обращались с просьбой. За помощь покупатель отсыпал мне один косяк. Несколько осторожных движений – и можно было совершенно бесплатно раскурить дурь и словить веселое настроение. Тогда мне помогал парень по прозвищу Монгол. Отмороженный и дикий торчок, который начинал свою наркоманскую жизнь с травы, а закончил ее примерно лет через пять – шесть, в подъезде, где его кинул умирать от передозировки героина мой одноклассник. Жаль пацана, он был умным и пробивным. Смешливый парень, который многого мог бы добиться в жизни, но он избрал иной путь.

Монгол часто кидал тех, кто ему не приглянулся. Вот и в этот раз, после нашей встречи, когда он увидел Денни издалека, плут не смог сдержаться. Забрав деньги у студента, я попросил его подождать меня на скамейке у одного из жилых домов, после чего пошел решать тему. Любой вид наркотиков мы называли «темой». По дороге к барыге, Монгол стал меня вербовать:

– Слушай, Спартак, а может кинем твоего друга?

---

⁶ Карбамазепин – «Требуется консультация специалиста».

– Бля, Монгол, хорош! Нормальный он парень. Он и так нам сыпанет, – ответил я, понимая, что Монгол завелся.

– Слушай, сыпанет – это хорошо, но ведь нам этого будет мало. Денег нет. А так, сейчас куранем, а вечером можно кому-нибудь на хвосты прыгнуть. У нас ганджубас, а с чуваков бухло. Может, даже на дискотечку пойдем, – продолжал этот бес, которому следовало пойти в продажи. – Смотри: можно ведь сделать все так, что он ничего не поймет, и к тебе претензий не будет. Он меня не знает и даже не видел. Сейчас берем тему, ты идешь к нему и говоришь, что я тебе сказал подождать вместе. Ты мне объяснил, где вы будете сидеть, и что я с понтом подойду. Через полчаса он начнет нервничать. Потом, где-то через час, ты ему скажешь, мол, я вас по ходу кинул, или меня, якобы, могли принять менты, и что тебе нужно идти, и ты с ним свяжешься, как только все узнаешь. Ну а там, типа будешь меня выцеплять и все такое.

Вариант был беспроектным. Возможно, я не особо ценил Денни, а возможно, думал, что все прокатит, и это никак не скажется на нашем общении. Соблазн был велик, если еще и учитывать, что в те времена я был бездельником, а упустить потенциальное мероприятие не очень-то и хотелось. Поэтому план был осуществлен, и тем самым, был поставлен крест на моих связях с гущевцами.

Я никогда ни о чем не жалею (в этом нет смысла), но все же печально вспоминать этот некрасивый поступок. Денни был порядочным парнем, безбидным, веселым, а главное – той единицей общества, которых нам так не хватает. Он хотел нести пользу людям, возможно, не всем, но как минимум тем, кто этого достоин. Я до сих пор с теплом вспоминаю об этом человеке.

Постепенно, в ожидании лета, когда я вновь намеревался биться за место в ВУЗе, безделье начало меня портить. Я не работал, чаще стал курить траву и выпивать в сомнительных компаниях. Увлёкся барбитуратами из серии седативных медикаментов. Любознательность и поиски новых ощущений даже свели меня как-то с одной девочкой, у которой я покупал антидот под названием «Тарен»⁷. Средство, созданное учеными во время холодной войны, которое применяли в качестве противоядия от радиации и которое запретили еще лет двадцать назад. Учитывая мой тогдашний образ жизни и пороки, я понимал, что отклоняюсь и могу достойно съехать с выбранной дороги. Но спасение пришло вовремя. Герман тоже собирался поступать в университет и предложил мне вместе пойти учиться заочником на социального педагога. Он прямо знал, что нужно вытаскивать друга. Так мы начали готовиться к поступлению в университет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕМЬЯ

С годами наивность испаряется, а розовый оттенок юности постепенно обретает грубые тона. Становясь взрослее, каждый из нас сталкивается с выбором и сам определяет свой независимый путь. Мы с братом уже не были детьми, за которыми нужен уход и постоянный контроль, поэтому теперь каждый мог заняться собой и своей личной жизнью. Брат, закончивший девять классов, пошел по стопам мамы: отучившись на повара третьего разряда, он начал свою профессиональную деятельность в холодном цеху захудалой столовой, где, махая мачете, дробил плоть. Мальчишка, собиравший когда-то марки, вкладыши от «Турбо», интересовавшийся музыкой и кино, штурмовавший шахматное поле с друзьями, стал мясником, который безжалостно терзал тушу за тушей каждый день. Помню, как на первую свою зарплату он купил мне два набора игрушечных машинок, а домой взял палку колбасы и еще каких-то вкусняшек.

---

⁷ Тарен – «Требуется консультация специалиста».

Тогда мама взглянула на него одобряющим взглядом, а сам брат чувствовал себя сверхчеловеком. Он сам, своими руками заработал первые деньги! Он стал настоящим мужчиной!

После столовой подающий надежды специалист работал в разных местах, но стругать лепешки и брызгать кусочками мяса на окровавленных столах – была не его стихия. И совсем скоро брату удалось проявить себя на предприятии, которое производило мясные полуфабрикаты, куда ему помогли устроиться друзья. Собственником была их мама, и ребята тоже там работали, занимаясь бухгалтерией и прочими финансовыми делами. Несмотря на то, что брата поддерживали друзья, он начинал с нуля, и к моменту, когда я собирался поступать в университет, уже был заведующим всех производственных цехов. Я им гордился. Такой молодой, всего двадцать один год, а уже руководил персоналом и такими процессами. Там же он встретил свою будущую жену, и через некоторое время они переехали жить в отдельную семейную квартиру, которая досталась нам от нашей усопшей бабки (земля ей пухом и меда десять чар). Жизнь, можно сказать, складывалась и сулила только перспективы. Хорошая работа в кругу друзей, руководящий пост, деятельность, связанная с управлением производства, красивая жена, отдельная квартира. Что еще нужно молодому, крепкому и умному парню? Я был за него рад, возможно, даже чуть завидовал, но завистью белой.

Брат не забывал про меня. Несколько раз в месяц он звонил и приглашал к себе в гости, вручал огромные пакеты со свежими полуфабрикатами, которые только сошли с конвейера. Блинчики с фаршем и сыром, котлетки по-киевски, пельмени, целая галактика наггетсов, куриных ножек в панировке и всякой всячины. К моей любознательности и новым увлечениям из разряда сект, гущевцев и тренингов он относился нормально. В детали не вникал, так как был полностью поглощен созданием своего семейного счастья. Сейчас сложно вспомнить, но могу сказать точно, что брат доверял мне, так как знал, что я стремлюсь получить высшее образование, и нацелен на успешное будущее. Он всегда интересовался моими делами и верил, что я никогда не поведу в грязь и не натворю дел. Так устроился брат – мой заместитель отца и гуру.

В те времена у мамы тоже возникли движения и она, встретив достойного мужчину, наконец, начала строить свою личную жизнь. Мы не сразу обратили внимание на ее глаза, которые светились от счастья. Познакомились они через общих приятелей, обменялись телефонами, и мистер незнакомец проявил инициативу, однажды позвонив и пригласив маму на свидание.

Впервые мы с братом увидели «жениха», когда он был приглашен к нам в гости. Седина и пожилой возраст, черный с блестящими крапинками костюм, серьезный и добродушный взгляд, обходительные манеры и воспитанность создали у нас благоприятное впечатление. Как потом выяснилось, «парень» нашей мамы всю жизнь занимался бухгалтерией и был человеком совдеповской закалки, который теперь наслаждался заслуженным отдыхом. Он был разведен, имел взрослых детей и жил один в комнатухе где-то в северной части города.

Спустя какое-то время союз влюбленных укрепился, и на почве развернувшихся событий мама заявила, что они собираются расписаться. Уже тогда она перекочевала в его комнату, поэтому мы условились в назначенный день встретиться у нас дома. Бухгалтер-отставник рассказал о своих серьезных намерениях и деликатно попросил руку женщины своего сердца, на что мы дали согласие. Наконец, встретив свою судьбу, мама стала порхать как бабочка и вновь ощущать прелести жизни вне одиночества и семейных забот. Были, конечно, сомнения: а не развод ли это? Ведь вы понимаете, как это бывает. Одинокий мужчина ищет себе одинокую женщину, чтобы потом обеспечить себя лишними квадратами жилья и халявой. Но мама была непреклонна и уверяла нас, что все более чем серьезно. Да и мы с братом думали, что вряд ли у этого дяденьки настолько железные яйца, чтобы ринуться в такую аферу, где два крепких парня просто размазали бы его, спалив злой умысел. Может, и не было великой любви, но часто одинокие взрослые люди ищут себе подобных, чтобы хоть как-то скрасить оставшуюся треть жизни.

***

После медицинского училища, где мама начала с рядового повара, были средние школы, детские санатории и детские сады. К моменту бракосочетания со Смольным, которое прошло скромно и в присутствии лишь регистратора, она уже была заведующей кухней. Почему Смольный – об этом я расскажу позже. Теперь она работала в детском саду и сама контролировала поваров: формировала меню, следила за наличием необходимых продуктов, взаимодействовала с заведующей, завскладом, решала массу вопросов и обеспечивала питанием детишек и рабочий персонал. Дети ее любили, родители знали, а коллеги уважали. Были у нее стержень и железная хватка, которые позволяют людям добиваться желаемых результатов.

Еще во времена распада Союза, когда хлынувший капитализм стремительно устанавливал свои порядки и всякий хотел заработать, мама гоняла в Москву. Там она покупала шмотки, и в тех самых клетчатых китайских сумках везла их домой для продажи. Спекуляция, за которую раньше сажали, теперь была в законе и называлась бизнесом.

Творился, конечно, беспредел. О налогах, регистрации частного предпринимательства и речи не шло. Тарились все, кому не лень. И мама не осталась в стороне. Помню, как однажды она взяла с собой брата, которому только стукнуло шестнадцать лет. Они вернулись с горящими глазами и жирными сумками. Тогда с видом крутого перца он вытащил двухкассетный магнитофон «Sony» с функцией автореверс (у нас к тому времени был уже «Osaka»), блок сигарет «Marlboro» и игрушечный трансформер для меня. Я был в шоке и безмерно счастлив. Мама не знала, что он курил, и я тихонько спросил, пока она возилась с вещами:

– А мама знает что ли?

– Да! Я рассказал. Зачем скрывать-то? Я уже не маленький, – ответил брат, с видом матерого и познавшего жизнь пацаняги.

После того, как брат съехал с будущей женой в другую квартиру, я какое-то время жил один. Именно тогда мой рацион состоял из всевозможных полуфабрикатов, которые мне подгонял молодой заведующий производством. Пребывание в славном одиночестве, к сожалению, длилось недолго: в комнатухе, куда переехали мама со Смольным, молодоженам стало тесно, и через пару месяцев они вернулись обратно. Тогда я и узнал истинного отчима.

Почему Смольный – наконец, поясню. Когда мне на домашний телефон звонили друзья, он брал трубку и с серьезным голосом отвечал:

– Здравствуйте, вас слушают!

Один из моих приятелей, по прозвищу Кот, в такие моменты взрывался от смеха.

– Слушай, тебе звонишь и как будто попадаешь в военную часть! Ты Смольному скажи, чтоб был попроще. «Здравствуйте, вас слушают!», – изображал он отчима его голосом.

Так, пенсионер стал Смольным, и мне приходилось жить с этим персонажем под одной крышей. Мама работала пять дней в неделю с пяти утра до шести вечера. Она трудилась в поте лица, а муж сидел дома, читал газеты и отгадывал сканворды, подсматривая ответы на последней странице. Короче, в твоём доме появился бесполезный овощ, который ест твою еду, пользуется твоими приборами, моется в твоей ванной, громко говорит по твоему телефону и громко смотрит твой телевизор. Гаду иногда становилось совсем скучно, и он начинал себя развлекать. Вдоволь выпавшись днем, ночью он щипал маму за бока и не давал ей спать, хотя знал, что на работу ей вставать в четыре ночи.

Со временем взаимный пыл, сносившая голову влюбленность стали угасать и начались конфликты. Они все чаще ссорились между собой, а у меня со Смольным была отдельная война. Я начал понимать, что альфонс все же вскружил маме голову и очень удобно устроился. Наши первые с братом опасения теперь подтвердились. Мало того, что Смольный сидел на шее у матери, так он еще и умудрялся технично настраивать ее против меня. Мама прекрасно видела, что происходит, но не хотела разрывать отношений, так как понимала, что может остаться одна до конца жизни. Знаете, как это бывает, когда муж бьет жену, а она его не

бросает, потому что боится остаться даже без такого хмыря. Терпит, сама перед собой оправдывает свои же действия, надеется, что что-то изменится или просто закрывает глаза за неимением лучшего. Так и моя мама мучилась (конечно, он ее не бил – это аналогия): с одной стороны сын, а с другой – единственное сраное плечо. Мудак все хотел выжить меня из квартиры, и все заранее продумал.

План был таким: пока мамы не будет дома, он провоцирует меня на драку, получает несколько синяков и вызывает скорую. С ментами фиксирует увечья, далее включает симуляцию и вызывает у судьи жалость к больному и побитому пенсионеру. После этого сливает меня за решетку по статье 116 УК РФ (побои, избиение). Гениально! Но в жизни все иначе. В итоге, я в кровь разбил ему всю челюсть, забрызгав прихожую, а медики из скорой помощи, которых он вызвал в надежде, что те приедут с милицией, сказали, мол, мужчина, сами решайте свои семейные проблемы и сами звоните в милицию. План с грохотом провалился, и Смольный, убедившись в том, что его игры опасны для его же собственной жизни, утихомирился, потому как знал мой крепкий кулак на вкус.

МЕЧТА В РЕАЛЬНОСТИ

Жизнь студента представлялась мне так: постоянные движения, общение с интересными и веселыми людьми, саморазвитие и самореализация. Однажды уже потерпев полное фиаско с поступлением в университет, я, конечно, не оставлял надежды стать студентом. Поэтому после предложения Германа поступать вместе, я вновь загорелся этой идеей. За последний год – год моих походов, экспериментов, когда я чуть было совсем не свернул с некогда утвержденного маршрута, – мы не так часто виделись. Тогда Герман жил своей жизнью, общался с новыми друзьями, и все же мы снова встретились. Друг детства помнил о моем интересе к гуманитарным наукам. Именно поэтому он позвонил и предложил вместе поступить на социального педагога. Хотя много позже он объявит и другую причину: «Ты распиздяйничал, дорогой. Нужно было тебя вытаскивать». Аргумент его был силен! Социальный педагог – это не совсем психолог, но со временем всегда можно было перевестись на другой факультет, тем более работа этих добродетелей была все-таки связана с психологией и коммуникациями, к чему я, собственно, и стремился.

Мы встретились, пообщались, и Герман убедил меня в том, что да, эта специальность в нашей стране не совсем востребована на рынке труда, и что в ближайшие годы, даже после получения диплома, она не будет популярна. Мастера психологии в то время воспринимались как нежелательные лекари души. Прямого негатива, конечно, в их сторону не было, просто обращение к этим докторам и служителям покоя внутреннего мира воспринималось как несостоятельность и отсутствие самообладания. Мы привыкли не раскрываться и решать свои проблемы лично. Короче, если ты общаешься с психологом или психотерапевтом, значит, ты псих. Это не Запад и не Европа, где подобные специалисты ценятся и уважаемы.

Давайте все-таки разберемся, кто такие социальные педагоги. На самом деле, это очень крутые бойцы. В основном женщины, занимающиеся проблемами семей, в которых пьют или торчат. Эта работа связана с разрешением конфликтов, с подростками девиантного поведения, проще говоря, со сложными детьми: брошенными, агрессивными и одинокими, часто с малолетними преступниками. Цель здесь одна, разрулить положение, в котором оказалась семья, чтобы все были счастливы, или максимально повлиять на благополучный исход любой задницы, в которой оказался ребенок. Социальные педагоги постоянно взаимодействуют с милицией, в частности, с участковыми, что тоже снижает их рейтинги. Короче, работа жесткая, нервная и малооплачиваемая. На тот момент, когда мы с Германом решили поступать в университет, зарплата таких специалистов составляла примерно шесть тысяч рублей, а это был две тысячи первый год! Мало, очень мало. Мы понимали, что вряд ли кто-то из нас по завершению

обучения пойдет работать за такие деньги, поэтому изначальная цель была получить высшее образование.

Процесс, в очередной раз, пошел. Мы вместе ходили в приемную комиссию, узнавали условия поступления, брали методички и всякую ценную шелуху из разряда подготовительной работы для сдачи экзаменов. В те времена мы днями и ночами проводили за учебной литературой, которую тоннами впитывали, прокачивая свои знания. В качестве тестирования мы часами общались по телефону и проверяли друг друга, излагая экзаменационные темы и задавая массу вопросов. Мне было сложно и страшно. Сложно потому, что за год моего безделья уровень концентрации и восприятие снизились. Переваривать материал было нелегко, а поскольку зубрилкой тут не отделаешься, нужно было вникать в изучаемые предметы и понимать их суть. Ну а страх терзал только по одной причине: что делать, если я вновь провалю экзамены? В такие моменты, когда приступы рефлексии сносили мне крышу, Герман включал свой успокоительный аппарат:

– Мы по любому поступим. Посуди сам: отделение заочное, основа платная. Это не бюджет, где на одно место по двадцать человек. Институту нужны деньги, и они не будут особо придираются к студентам на экзаменах, ну, к нам, я имею в виду.

– Да это все понятно! Но ведь если завалить конкретно, они вряд ли тебя возьмут, – сомневался я.

– Да ничего мы не завалим, – продолжал он настраивать меня, приводя аргументы. – Мы готовимся, и готовимся сильно, проверяем друг друга. Если даже ты не ответишь на все вопросы, они все равно нас возьмут. Им нужно сформировать группы с нормальным количеством студентов. Ты сам видел, кто приходил в приемную комиссию. Думаешь, они все такие умные, и все сдадут на отлично? Ни фиги! По любому, педагоги это понимают и заранее уже обо всем договорились, так что не гони. Мы поступим, вот увидишь.

И мы поступили. Муки, сомнения и сжатое очко испарились после того, как мы увидели свои фамилии в списке новоиспеченных студентов. Радостные вопли, смех и поздравления друг друга. Эмоции так и сочились через поры нашего ликования. Мы теперь настоящие студенты и мы будем учиться в университете! А потом диплом, прекрасное будущее и увлекательная работа с людьми. Что еще нужно для счастья?

Группа наша насчитывала порядка тридцати человек, где мужчин было трое: я, Герман и тип, по имени Гавриель. Женоподобный дядька лет тридцати, который носил очки и бородку с усиками. Что-то нетрадиционное было в его манерах и общении, но, судя по кольцу на пальце, он был гетеро, по крайней мере, мы его с поличным не ловили и к нам он не приставал. Остальная часть нашей студенческой группы была женской. За первый год обучения я предварительно заплатил около шести тысяч рублей, вернее, заплатила мама, так как денег я тогда не зарабатывал и был полноценным иждивенцем.

До первой сессии оставалось несколько месяцев. За это время мне нужно было найти работу, которая позволила бы самостоятельно оплачивать обучение. Но идти на службу я не спешил и оттягивал поиски под разными предложениями. Тогда я считал, что время еще есть. Последние теплые деньки уходящего лета мешали серьезно задуматься над финансовым вопросом. Тем более, после напряженных экзаменов, я хотел отдохнуть.

Жил я с мамой и Смольным. К тому же, за помощь маме в некоторых ее делах, я получал небольшой процент. У нас с мамой были своего рода партнерские отношения, и ей было выгодно мое свободное время, которое она использовала в целях дополнительного заработка. Поэтому никто и не гнал меня на работу. Но всегда так продолжаться не могло, нужно было занять себя чем-то и стать, наконец, независимым.

ОПИУМНЫЙ ГРЕХ

Любознательность, не окрепшая воля и не контролируемая страсть к чему-либо, с легкостью могут убить человека или привести к таким последствиям, которые своей необратимостью оставят глубокие раны на всю жизнь. К сожалению, мы не всегда можем понять, оценить и спрогнозировать свои действия. Часто бывает, что мы мним себя вразумленными и благоразумными людьми. О своих пороках и неправильных поступках говорим, что это временно, что я контролирую ситуацию, я не переступлю границу, за которой моя жизнь окажется под угрозой. Я не дурак, чтобы вредить окружающим и самому себе. И мы творим – творим вещи, которые никогда себе не позволили бы. Как тонко и без видимых колебаний наши мысли приводят к тому или иному решению. Внутренние диалоги, размышления и целая вселенная аргументов часто меняют нас и делают совершенно другими. Наверняка вы не раз слышали нечто из разряда: «нет, он не мог так поступить» или «он был совершенно другим человеком». Ценности! На человека влияют ценности и окружение. Два основополагающих фактора в нашей жизни, которые могут разорвать ее в клочья либо вознести на пьедестал. Но самое ужасное – это не пороки или отсутствие ценностей как таковых, не плохое окружение, которое может влиять на жизнь негативно, а сам факт того, что человек может этого просто не понимать.

Вот и я не понимал. Не понимал, что общаться с плохими парнями не стоит, что запретный плод может быть опасен, как и навязчивые мысли о нем. Внутренний голос начинает тихо нашептывать: «Это лишь разок, мне просто интересно попробовать, все под контролем». Как тактично мы себя обманываем, как красиво структурируем свои доводы и как четко манипулируем своим же мышлением.

Пройдет около десяти лет и только потом я пойму, что в жизни есть масса страшных вещей, но основных демонов этой реальности три: глупость, бесполезная трата времени и необратимость. За этой триадой следует расплата, цена которой безмерна.

***

Был уже август, и до установочной сессии оставалось несколько месяцев, которые следовало чем-то занять. Мне, восемнадцатилетнему парню, который пристрастился к психологии, музыке и кино, всегда было интересно узнавать что-то новое, впрочем, как и моему заместителю отца. С этого все и началось!

Брат, в лице молодого начальника, продолжал успешно работать и организовывать производство мясных полуфабрикатов. Его друзья, желавшие самостоятельно покорить области предпринимательства, при поддержке мамы открыли в том же здании бар. Чтобы у вас вырисовывалась более четкая картина, поясню. Предприятие и производство находилось в арендованном детском саду. Там же были все цеха и кабинеты. Постройка была времен советской эпохи, и в одном из его корпусов был открыт бар с благозвучным названием «Фортуна». Брат, который честно трудился и достойно зарабатывал, закончив свой рабочий день, мог с легкостью попасть туда, воспользовавшись лишь одной дверью. Снял портки, стянул производственный халат, и ты уже находишься там, где можно спокойно распить любой крепкий алкоголь и расслабиться. И брат распивал. Расслаблялся так, что домой к жене возвращался «в дюбель пьяный», как говорила наша мама. К тому времени он женился на той самой девочке, с которой познакомился на производстве: отыграл свадьбу в этом же баре и начал успешно налегать на спиртное.

Почему так происходит?! Ведь все есть и жаловаться не на что. Все просто: человек по натуре своей – праздное существо, любит покуражиться, повеселиться и отдохнуть на славу. Разница лишь в том, что кто-то умеет контролировать и управлять этим пороком, а кто-то нет. Вот и мы не умели этого делать, за что потом и поплатились.

Я, бывало, приезжал к брату в гости в его обиталище, мы шли в курилку, где раздували косяк и мило делились новостями. Я рассказывал про маму, Смольного и свои студенческие дела, а он – про свою семейную жизнь и жизнь на предприятии. Было интересно наблюдать

как брат, в белом халате и в шортах со свастикой, нарисованной ради пафоса белой краской, щеголял по цехам. Начальник говорил своим подчиненным что делать, выкидывал шуточки в сторону молоденьких сотрудниц и представлял меня определенным, заслуживающим его внимание друзьям с работы.

Тогда я познакомился с двумя его приятелями, которые занимались подсобной работой. Паштет – худощавый молодой парнишка лет двадцати, вечно улыбающийся и всегда приседавший на уши, так как любил поговорить, и Гера – крупный, жилистый двадцатипятилетний молодой человек, у которого было квадратное морщинистое лицо, темные зубы и грубый взгляд. Про таких обычно говорят «не связывайся». Если Паштет был на вид безопасен, то Гера выглядел так, словно вырвет сейчас твое сердце и съест его. Он с легкостью мог среди бела дня запинать прохожего, если был не в настроении и снять с него кроссовки. Он уже делал так. Чтобы вы поняли, предприятие, в котором брат трудился, находилось в неблагоприятном и отдаленном районе города. Этот район был полон алкашей, отморожков и наркоманов, на каждом шагу валялись разбитые и пустые бутылки, использованные шприцы и мусор. Через несколько лет, конечно, там наведут порядок, но пока что это было начало нулевых. Соответственно, на работу в основном устраивались местные ребята, одними из которых и были отмороженные героиновые торчки – Паштет и Гера. Но какие все-таки люди бывают разными. Два новых друга моего брата были весьма милыми парнями и очень ценили дружбу со своим начальником, которого глубоко уважали. Это было понятно по их разговорам и отношению. Когда брат впервые познакомил меня с ними, ребята сразу прониклись ко мне уважением и симпатией, мол, если брат классный чувак, то и его братишка тоже клевый пацан. К тому же, мы сразу нашли общий язык. После той встречи прошло несколько недель, и однажды брат пришел домой. Его визит меня удивил. Будний день, все работают, а тут без звонка, взял и приехал в гости.

– Ого! Привет! Ты чего это? Даже не предупредил... – Встретил я брата. – Мама нет, Смольный тоже куда-то свалил. Ты не работаешь сегодня, что ли?

– Работаю, просто я себя чувствую плохо, поэтому отпросился. Решил к вам в гости заехать, – объяснил брат.

– Ты кушать хочешь? – поинтересовался я.

– Нет, спасибо, я не голоден.

Брат действительно выглядел странно: замедленные движения и притупленный взгляд, отвечал не сразу, моментами тормозил. Он снял свой серый пиджак, походил по квартире, налил стакан воды и жадно выпил его. Потом предложил мне выйти на балкон, и мы закурили. На улице было тепло, но ветрено. Мы перекинулись парой житейских реплик, и брат, после небольшой паузы, сказал:

– Вообще, я отпросился по другой причине. Не хотел тебе говорить, но я ведь могу тебе доверять? – начал он.

– Конечно, не вопрос, – ответил я, чувствуя, что сейчас брат в чем-то мне признается.

Так получилось (возможно, это воспитание мамы сыграло роль), что за всю жизнь мы ни разу друг на друга не подняли руки. Обычно в семьях, где есть мальчишки, без драк не обходится. Но не в нашем случае. Мама всегда говорила нам, что мы как два пальца на одной руке, и если один палец сломать, то пострадает вся рука, что мы – одно целое, и никогда не должны драться и конфликтовать. Даже с женой можно разойтись, но братья навсегда остаются братьями. Важно доверять друг другу и всегда поддерживать.

– На самом деле, я попробовал белый, – сказал брат.

Я проглотил язык, поскольку не знал, как реагировать. С одной стороны, я должен был устроить ему взбучку и промывку мозгов, с другой, понимал, что он не маленький мальчик и сам делает свой выбор. Реакция пронеслась мгновенно, страх и переживания за брата сжали мою грудь, и я выдавил из себя:

– Ну, и как?

– Да ни о чем, – слащаво затягиваясь, ответил брат, глядя на меня зрачками размером с точку. – Просто заторможенный и спать охота, и все. Ожидал большего. Поэтому нафиг надо.

– А с кем ты убился? – продолжал я.

– Паштета с Герой помнишь? Они еще те торчки, не раз приходили на работу вмазанные, – раскрывал подробности брат, – я их попросил угостить. Они отговаривали меня, говорили, что не хотят грех на душу брать, но я их уболтал. Сказал, что лучше с ними попробую, чем с кем-то. Они подписались.

Зная своего брата, его привычку выпить и «улететь», я понимал, что рано или поздно это должно было произойти. Потом, как и предполагалось, возникла цепная реакция. Он подсел и уже регулярно начал колотиться, не скрывая своего нового увлечения и рассказывая мне в подробностях некоторые детали. Сраные Паштет с Герой!

Спустя какое-то время я начал паниковать. Боже, брат скоро сторчит, его уже начало кумарить, после начнет ломать, и тогда пиздец! Он потеряет все: жену, работу, друзей, свою жизнь.

Когда начинает кумарить, нужно снижать частоту приема наркотика. Ощущение неравносильное ломкам, поскольку чувствуется лишь небольшой физический дискомфорт, в частности, в мышцах. Появляется бессонница и малозаметные тики на лице. С ломкой все гораздо серьезнее. Начинает выворачивать кости, мышцы разрывает, ощущение такое, как будто по телу проехался танк. Человек начинает сходить с ума от боли. Голова его пуста, и он не может думать ни о чем, кроме как о героине, который уже не приносит удовольствия: теперь адский порошок просто снимает боль и приводит наркомана в нормальное состояние.

До сценария документальной хроники о торчках не дошло, поскольку я был вынужден сдать своего брата его друзьям. Я позвонил на работу одному из них и пригласил на встречу, где рассказал о новом пристрастии дурака. Дикий мат и подтвержденные моими словами подозрения в отношении новых подсобных приятелей. Потом разговор с братом:

– Ну, спасибо, братишка! Как Иуда, ножом меня в спину. Не ожидал...

– А что я мог сделать? – кричал я. – Ты травмишься этой хуйней, уже подсел, не собираешься останавливаться. Уже все подозревают, что с тобой что-то не так. Чем все это может кончиться? Жена беременная. Тебе жизнь надо строить, а ты с этими уебками колешься. Да! Я тебя сдал, но по-другому повлиять я на тебя не мог.

После этих событий дружки свалили с предприятия, а сам брат, понимая серьезность своего положения, остепенился и взялся за голову. Я понимал, конечно, что от яда он еще долго не откажется, просто будет все делать с умом. Здесь главное сохранять частоту, как бы прискорбно это ни звучало. Так, мой заместитель отца впервые совершил опиумный грех, став на путь наркоманской жизни. Я, в свою очередь, хоть и успокоился за брата, но все же переживал. Переживал, пока эта чума не настигла и меня.

***

Был уже сентябрь, но бабье лето еще радовало жарким солнцем. Однажды мне позвонил Кот, автор прозвища Смольный:

– Здорова! Как жизнь? Че делаешь?

– Привет! Да ничего, дома сижу, делать не хер, – отвечал я. Кот обычно звонил, когда ему что-то было нужно.

– Понятно. Слушай, предложение есть. Хочешь ханки? – перешел он сразу к делу, как только понял, что я свободен.

Не вспомню, почему его называли Кот, но, скорее всего, это связано с тем, что этот парень был очень хитер, меркантилен, и часто кидал людей на деньги. Поясню: Кот, которого звали Стас, был моим одноклассником. В школьные годы мы дружили и постоянно общались. После

окончания девятого класса он ушел, и мы уже не так часто поддерживали связь. Жизнь его складывалась как у типичного наркомана. Сначала алкоголь, потом травка, потом опиаты из числа химки, ханки и героина. Водился он в кругу таких же ушедших пацанов, которые постоянно пытались кого-нибудь швырнуть или замутить тему. Со временем Кот стал человеком, которому было небезопасно доверять.

– Да, можно, – сказал я, зная про ханку, как про опий-сырец, который варят из сока верхушек мака. Эффект как от героина. – А что нужно?

– Короче, у меня есть друг, нормальный пацан, ты его не знаешь. У него все есть, и он сам может сварить ханку, – начал оживлено вещать Кот, – но не хватает некоторых ингредиентов и расходняка. Если все купишь, мы тебе сделаем пять точек. Этого хватит, чтобы убиться.

– Не вопрос. Когда и куда подъехать? – согласился я, составив список. Все что нужно было купить, стоило копейки, и, оценив еще раз предложение начал собираться.

Мы встретились в одном из районов города, где недалеко от жилых домов протекала речка, и находился лесной массив. Как мы условились, я принес все необходимое, и мы двинули к деревьям, где парень по имени Артем, присев на корточки, развел огонь и в металлической кружке начал готовить варево. Колдовство не заняло много времени и, выбрав в пятикубовый шприц темно-коричневую жидкость, он начал разливать ее по другим шприцам, делая персональную дозировку на троих.

Игла распорала мою кожу и проникла вглубь вены. Друг Кота, манипулируя поршнем, взял контроль. Затем зелье, медленно смешавшись с кровью, скрылось в моем организме. Считанные секунды, и я почувствовал, как наркотик овладел мной. Тело стало легким. Умиротворение и спокойствие погрузили меня в состояние безмятежности и непринужденности. Я словил кайф. После того, как я прижал красную точку большим пальцем, чтобы не просочилась кровь, мне сразу вручили прикуренную сигарету. Я затянулся и, на мое удивление, табак показался мне очень приятным и вкусным (у героиновых наркоманов сигарета сразу после инъекции была своеобразным ритуалом). Потом я встал, и Кот начал расспрашивать меня о самочувствии. Я сказал, что все хорошо, и он предложил сходить на остановку и встретить их общую с Артемом подружку, которую они вместе трахали.

Как только мы вышли из-за деревьев, у меня закружилась голова, и в глаза ударил яркий свет, который на мгновение ослепил.

– Ебаааать, – произнес я, и медленно сел на корточки.

Это был приход – сильное наркотическое опьянение, которое длится несколько секунд. Кот, увидев мое состояние, подбежал и, взяв меня за руку, тоже присел.

– Ты чего, Спартак? Все нормально? Ты чеее меня так пугаешь?

– Да все нормально. Ты иди, а я к Артему лучше вернусь. Мы вас подождем, – успокоил я его.

– Ты дойдешь? Точно дойдешь? – спросил он.

– Да Стас, иди, все нормально. Уже лучше. По ходу приход задержался.

Так впервые и я совершил опиумный грех, пополнив список начинающих торчков. Естественно, после этого обстоятельства я обещал себе, что больше не буду повторять и всячески доказывал, что этот вид наркотика не мой, что лучше я буду курить дурь.

И действительно, этот акт действия был единичным, потому что я не искал встречи с Котом и, в общем-то, не общался ни с кем, кто мог бы вновь склонить меня к этой гадости. Но надолго ли? Этот грязный эпизод был благополучно мною забыт, что позволило мне и дальше успешно заниматься делами с мамой и в полной готовности ожидать начальной сессии, которая закончилась в октябре двумя зачетами по информатике и основам анатомии. Первая масштабная сессия была назначена на январь следующего года. Впереди было два месяца для изучения заданной литературы и подготовки к уже полноценному обучению на первом курсе.

БИЗНЕС

Шли дни, а я все никак не мог заставить себя взяться за учебники. Наверное, потому, что еще цеплялся за остатки свободного времени, хотя до поля битвы в аудиториях оставалось совсем немного времени. Не скажу, что нас жестоко подгрузили, но к зимней сессии нужно было готовиться основательно. В такие моменты и начинается война миров: между необходимостью и академической прокрастинацией.

Смольный разгадывал сканворды, мама работала, а я бездельничал и все никак не решался устроиться на работу. В сущности, я ничего не умел делать и никакому ремеслу не обучился. Помню, как мама мечтала, что я пойду в медицинский колледж, отучусь на фельдшера, построю карьеру в медицинской сфере, буду знать, как бороться с болячками и навсегда избавлюсь от последствий послеоперационного недуга, из-за которого мне в свое время пришлось немало проторчать в больничных стенах. Но медицина меня не интересовала, поваром я быть не хотел, хотя кулинария навсегда останется моей страстью. Я витал в облаках и фантазировал, как буду принимать в своем кабинете пациентов и решать их проблемы. Буду работать с людьми, заниматься интеллектуальной деятельностью, а не колоть иголки в дряблые задницы и возиться с куриными тушками. Все это было не мое.

На этой почве как-то возникло одно интересное обстоятельство. Возомнив себя крутым специалистом в области педагогики, потому как с детьми я умел сходить и имел организаторские способности, я попытался устроиться педагогом дополнительного образования в один из местных детских центров творчества. На самом деле, мое вдохновение и решительность возникли благодаря Герману, который в свое время успел поработать в подобном учреждении. Он организовывал досуг для детей и проводил с ними различные мероприятия. Однажды, в качестве консультанта, он пригласил меня на кастинг участников для постановки новогоднего спектакля. Это событие и придало мне уверенности в своих способностях.

Я обзвонил местные детские центры, нашел в одном из них свободную вакансию и устремился на собеседование. Меня встретили две женщины, и внимательно выслушав презентацию дилетанта, дали понять, мол, мальчик, поправь свои штанишки и возвращайся хоть с каким-то багажом практики. В конце концов, что я мог им предложить, не имея ни опыта, ни образования? Я был раздавлен: денег нет, я ничего не умею делать, кроме как мечтать, трепаться и мутить всякого рода нереспектабельные движения. Что делать, куда идти? Мне было непонятно. И, погрузившись в одинокое ожидание сессии, поглощенный унынием и бездействием, я стал постепенно уходить в себя. В такие моменты начинаешь строить иллюзии, надеяться на случай или ждать хороших времен. И, как ни странно, я дождался своего случая, однажды встретив Родиона во время прогулки под морозящим осенним дождем.

Познакомились мы с Редом при забавных обстоятельствах еще в десятом классе, когда он перевелся в местную школу после переезда из другого города, а я только вернулся в школу после домашнего обучения. Тогда новичок подружился с моим приятелем Ромой, но их товарищеский союз спустя пару месяцев развалился на почве каких-то трений. Расклад был такой: у друзей возникла стычка, где Родион хорошенько вlepил Роме в пятка. Узнав о случившемся, я возмутился и готов был наказать обидчика.

– Да он не прав, Рома! Пацан просто охренел! – говорил я.

– Он считает по-другому, и другие пацаны его тоже поддерживают, – объяснял мне Рома, чувствуя, что я готов разнести противника. – Я поэтому и не смог ничего сделать.

– Ладно, давай сейчас решим этот вопрос. Где этот урод? – настроился я на атаку. – Прямо сейчас пойдем к нему, и я ему все объясню.

– Он в красно-белом доме, около муравейника. Ну, возле той длинной девятиэтажки. Наверно, как обычно, в подъезде висает, – с нарастающей храбростью говорил Рома, чувствуя, что предстоит реванш, и есть возможность смыть темное пятно со своей репутации.

– Пошли, поговорим, – сказал я, и мы двинули на разборки.

Родион был чуть выше меня, на лицо смуглый, по поведению осторожный, а по разговору рассудительный. Ни агрессии, ни понтов. Он спокойно ответил на все мои вопросы и разъяснил, в чем истинная причина конфликта, после чего я лишь пожал ему руку и мы ушли. Рома действительно был не прав, и по дороге домой я уже не слушал его оправданий. Со временем мы перестали с ним общаться, а через два года вымерла вся его семья: мать, дед и бабушка. Остался только дядя. Так сложилась его судьба. Жаль парня. Человеком он был хорошим.

Через две недели после встречи в подъезде, мы с Редом уже покуривали дурь и блуждали по улицам своего района, гуляя то в одних дворах, то в других. Он мало кого знал и не стремился заводить дружбу с кем попало, но мы нашли общие интересы и, в конце концов, сдружились. Жил он в особняке недалеко от города, в поселке городского типа, но это не мешало ему каждый день садиться на единственный маршрут троллейбуса и устремляться к цивилизации. Мы постоянно тусовались и кутили вместе, как два настоящих друга. Будущее нас мало интересовало, поскольку до него еще оставалось два года. Типичный портрет молодежи того поколения – жизнь одним днем. Мы были молоды, бесстрашны и легкомысленны. Мы распиздяйничали.

Интересно получилось, что Родион стал мне близким другом, несмотря на то обстоятельство, что при первой же встрече я готов был ввалить ему люлей. Мы часто вспоминали этот случай и смеялись, хотя так сложилось, что вскоре и наше с ним общение прекратилось. Никакого раздора или разногласия. Просто он куда-то пропал, исчез с поля зрения. И вот, спустя около трех лет, мы вновь встретились в тот самый дождливый вечер. Эта встреча навела новые порядки в моей жизни и навсегда изменила ее.

***

Встретившись, мы крепко пожали руки и оживленно начали интересоваться здоровьем и делами. Мы так давно не виделись, что эмоции зашкаливали. Сохранившаяся добрая память и желание разузнать друг о друге побольше привели нас к мысли, что нужно продолжить общение, и Ред пригласил меня к себе в гости. Жил он, как оказалось, в том же районе, где и я, в десяти минутах ходьбы от моего дома. Мы взяли в магазине пива, и пошли к нему.

Своя двухкомнатная квартира в хрущевке на пятом этаже желтого панельного дома – о чем еще можно было мечтать в девятнадцать лет? Родион был из разряда тех молодых людей, которые рано поняли ценность финансового благосостояния, поняли, что зарабатывать самостоятельно выгоднее, нежели работать на кого-то за копейки. Если говорить про Германа, то друг моего детства больше был трудягой. Я не упоминал о его творческих началах: его страстью была музыка. В те времена, когда отечественный рок вылез из квартирников и начал поглощать умы и сердца молодежи, под эту волну попали и мы с ним. Будущий музыкант научился играть на гитаре, начал сочинять тексты своих песен, писать музыку и мечтать о большой сцене. Стать рок-звездой, получить признание публики и разбогатеть – вот о чем он мечтал. Однако нелегкое детство без отца закрепили в его сознании одно четкое убеждение: деньги не возникают из ниоткуда, и чтобы заработать, нужно пахать, и пахать много. Мысль эта долгие годы укоренилась в нем как непоколебимая святая истина.

Через тринадцать лет он с пеной у рта будет доказывать мне, что нереально, просто невозможно сделать честный бизнес в нынешней действительности, что кругом воры, балаболы, и все пытаются отжевать деньги обманом и незаконными путями. Скепсис, подобно вирусу долгие годы распространялся в его серой массе, к сожалению, навсегда закрыл многие двери, за которыми были возможности. Ведь как это работает? Одно неверное убеждение может испоганить всю жизнь. Поэтому, даже сегодня, внимая информационным потокам извне или общаясь с кем-либо, я предпочитаю хорошенько обдумать умные теории и красивые концепции, даже если они подкреплены вразумленными доводами и аргументами. Не буду углубляться в фило-

софию доктрин, в конце концов, сейчас я лишь привожу сравнение разных взглядов на жизнь двух моих друзей, поэтому вернемся к Родиону. Ред отличался тем, что считал деньги самым важным элементом в жизни человека. Есть деньги – есть здоровье, есть женщины и квартиры, роскошь и машины, и вся тленная материя у твоих ног будет сверкать, если есть деньги.

После нашей первой встречи Ред не раз приглашал меня к себе в гости. Он не вдавался в подробности о том, где пропадал и чем занимался, когда мы не общались. Мы курили дурь, пили пиво и болтали о жизни. И в очередной раз, доставая из тумбы цилиндрическую пластиковую колбочку для хранения фотопленки по типу Кодак, он высыпал оттуда зелье и начинал рассуждать, забывая косяк в распотрошённую беломорину:

– Понимаешь, Спартак, если нет денег, то ты как чмо: не можешь себе ничего позволить, постоянно в чем-то нуждаешься, – говорил он. – А если идешь работать, то зарабатываешь копейки, за которые мало что можно купить или сделать. Поэтому нужно делать мутки и самому наводить движуху.

– Ну а ты, какие движения наводишь?

– Всякие, – уходил от ответа Родион и приглашал меня на балкон, чтобы раскуриться.

Я видел, как он свободно покупает себе любые вещи, не обращая внимание на ценники. Мы ходили по магазинам, и Ред ни в чем себе не отказывал. Как-то мы сидели у него дома. Тогда к нему завалились его друзья и, накурившись, они начали обсуждать, куда бы пойти потусоваться. Оценивая имеющийся бюджет, один из них спросил меня:

– Спартак, а сколько у тебя денег? Ты идешь?

Вот здесь меня и кольнуло острием нужды и безнадежности, поскольку денег не было, как и не было кошелек, где их обычно и хранят. Мы вышли из дома, ребята прыгнули в такси, а я, удрученный чувством собственного убожества и лишения, как изгнанник, побрел домой.

Как так получилось, что я загнал себя в такое беспомощное положение? По большому счету, я ничего не мог себе позволить. Иждивенец! Нахлебник! Мечтатель и утопист! Что ты можешь в своей жизни, если ты даже не знаешь, как заработать денег? Опять меня охватила и начала съедать рефлексия. Гребанный преждевременный кризис среднего возраста. Что делать? Куда я иду? Что я делаю? Делаю ли я все правильно? Возникла бесконечная пулеметная очередь вопросов к себе, которые накаляли сталь моих натянутых нервов, превращая их в красную жижу.

***

Время шло, и ноябрь начал окутывать улицы снежным покрывалом. С Родионом мы стали видеться чаще, и дружба наша только крепла. Поскольку у него был прямой выход на дилера, я стал решать вопросы по покупке травы без особых проблем. К тому времени знакомых, которые обращались ко мне с просьбой приобрести для них зелья, накопилось достаточно, и я был обеспечен халявной дурью каждый день. Иногда бывало, что благодарственной травки, которая ссыпалась в полиэтиленовую упаковку от пачки сигарет, собиралось до пяти конфеток, – так мы называли отсып. Зелье в такой прозрачной упаковке скручивалось, и было похоже на леденец. В момент, когда собиралось несколько халявных конфеток, и можно было сформировать целый башик шмали, я не брезгал иной раз продать его какому-нибудь приятелю. Родион про это знал и поступал так же. В те времена барыги были особенно презренны, поэтому без конспирации действовать в таких случаях было нежелательно. И вот однажды, дома у Реда, накурившиеся и довольные жизнью, мы вновь болтали о житейском.

– А помнишь фильм «Лицо со шрамом», где в конце Аль Пачино нырнул головой в гору кокаина? – спрашивал Ред, смеясь и изображая действия Тони Монтана. – Я бы так же хотел, чтоб лицо все в кокаине было. Вот, наверное, его тогда расплющело...

– Сто пудово, – смеялся я.

– Слушай, Спартак, вот бабок-то делают все эти наркочилеры! Ты только подумай, сколько можно на этом заработать! – поменялся в лице Родион. – Даже на траве можно кучу денег заработать... Вот сколько у тебя сейчас пассажиров – тех, кому ты решаешь?

– Ну, человек семь или восемь. Вообще таких чуваков можно больше найти. Главное, их знать, чтобы ментам не сдали, – рассуждал я. – Ну и вообще, делать нужно все правильно.

– Вот именно, Спартак, – загорелись глаза у Реда, тон его сменился, и он продолжил вполголоса. – Короче, Спартак, есть одна тема, только давай говорить тихо, у стен всегда есть уши. Мы сейчас снова начали общаться, и я присматривался к тебе: все-таки мы не общались несколько лет. Сейчас я вижу, ты нормальный пацан, и я могу тебе доверять. Могу доверять?

– Да, конечно, о чем разговор, – ответил я, заинтригованный неожиданным оборотом нашего разговора.

По глазам Родиона было видно, что он настроен серьезно и хочет мне сказать что-то очень важное.

– Короче, такая тема, Спартак, – продолжил он шепотом. – Ты же обращаешься ко мне за шмалью, и я решаю ее тебе типа через барыгу. На самом деле, нет никакой барыги. Я сам занимаюсь продажей травы. И мне похуй, что говорят, по типу, барыгой быть стремно. Пусть идут на хуй! Я зарабатываю деньги, я сам решаю те вопросы, за которыми ко мне обращаются. По сути, все барыги. Все что-то кому-то продают. Разница всего лишь в товаре. И мне плевать на эти предрассудки. Пока эти придурки стремятся барыг, к которым сами же и обращаются, я зарабатываю деньги. Так вот, к чему я все это. У меня есть выход на килограмм, там примерно двадцать стаканов травы. Я покупаю одно кило, выбираю оттуда пару стаканов и фасую на башики. Пуляю без палева и остаюсь при деньгах. У меня сейчас не так много пассажиров, и было бы классно, если бы мы начали работать вместе. Я буду брать кило, давать тебе один стакан, ты его раскидываешь на десять пакетов и продаешь по триста пятьдесят рублей, в принципе, как и везде сейчас стоит. С них забираешь сто пятьдесят, двести мои. У тебя сейчас все равно нет работы. Даже если ты устроишься, сколько ты будешь зарабатывать? Пять тысяч в месяц... шесть? Будешь продавцом-консультантом? Будешь бегать и батрачиться за такие деньги? Сам посуди, с одного стакана ты можешь поднять полторы тысячи. Покупатели у тебя уже есть. Нужно просто им банчить и все... Так что думаешь?

– Слушай, ну я не знаю... – начал мямлить я, понимая всю серьезность предложения, и что за человек на самом деле передо мной сидит. Дерзкий, расчетливый и алчный, человек, который наплевал на порядки и пошел против закона. Нагло всех обманывая, всучивает дурь и складывает себе деньги в карман. И вот он сейчас сидит рядом, шепотом рассказывает о своих темных делишках и вербует меня, чтобы я тоже продавал наркотики. Охренеть!

– А че ты паришься? Боишься ментов или чего? – продолжал Родион уверенно и спокойно, откинувшись на спинку дивана. – Я уже продаю около полугода и все нормально. Сам видишь. Я при деньгах и делаю дела. Пойми, бояться нечего, тут главное – решать проверенным людям. Найдешь дом, к которому будешь ходить, постоял там пять минут, покурил, пришел и отдал план. Тебе еще и сыпанут. По сути, ты сейчас этим и занимаешься, только ходишь на встречу со мной. Найдём тебе пейджер, дашь пассажирам свой номер, купим тебе телефонную карточку, чтобы созваниваться. Будешь договариваться о встрече в определенном месте, и все. Я тебе сам еще подгоню пассажиров. Познакомишься, будешь потом пару стаканов определять в неделю и зарабатывать по три тысячи, делая то, что ты уже сейчас делаешь. Просто нужно все делать осторожно и не палиться.

– Эээ... Да, я понимаю расклад. В принципе, я сейчас этим же и занимаюсь, – попытался я собраться. – Но слушай, как-то опасно. Это же надо носить с собой траву постоянно. Ну и мало ли, какая ситуация...

– Спартак, давай так поступим: ты не спеши с решением. Понятно, что нужно все обдумать, – дальше вел переговоры Родион. – Можно просто начать с одного стакана, или вообще я

тебе дам башиков пять, продашь их и посмотришь, как попрет. Что на это скажешь? Дать могу прямо сейчас, если хочешь. Ты всегда можешь отказаться. Ну и, конечно, все между нами.

– Да, это все понятно, разговоров нет. Просто все как-то неожиданно, – ответил я, приходя в себя.

Закончилась наша встреча тем, что я взял небольшой мешок травы, который потом расфасовал дома на несколько пакетов, и готовые для продажи башики спрятал под матрас. Было страшно, и сомнения с каждым днем одолевали меня все больше и больше. Я продал несколько пакетов, но, в конце концов, встретившись в очередной раз с Родионом, вернул ему остатки, сославшись на опасность данного мероприятия. В действительности же, я боялся того, что может не получиться, что продавать траву не только опасно, но и чревато последствиями. Меня могут посадить, а за продажу статья нелегкая. Это не употребление или хранение. Это сбыт наркотических веществ. Здравомыслие удерживало меня и, понимая, что это игра с огнем, я решил не вступать на тернистую дорожку. Родион забрал свой вес и ничего не сказал, кроме как: если что, я в любом случае могу к нему обратиться, и данная тема должна оставаться только между нами.

Прошло несколько дней, и заработанные деньги закончились. Травокуры также обращались ко мне, и я им решал. Опасности никакой не было. Все шло по стандартному сценарию: я встречался в условленном месте, брал деньги, шел к Реду, потом возвращался с темой, клиенты меня благодарили и мы расходились. Простота схемы, отлаженный процесс, постоянные покупатели и мои финансовые трудности сделали свое дело. Мы вновь встретились с Родионом и я сказал ему, что готов работать совместно.

– Ты уверен, Спартак? – задал контрольный вопрос мой друг-наркодилер. – Не возникнет ситуация, что ты снова придешь ко мне и скажешь, что передумал?

– Нет, – с уверенностью ответил я, – я все обдумал. Даже пейджер нашел и с местом определился. Только карточку телефонную купить осталось.

Четырехстрочный пейджер «Motorola», которым можно было запросто убить человека, телефонная карточка на сто двадцать минут, твердые полиэтиленовые пакеты для фасовки и соседний дом через дорогу, куда я приглашал любителей покурить. Процесс был примерно такой: я забирал весом у своего партнера стакан травы, закрывался дома в комнате, за столом высыпал на газету содержимое и начинал мельчить ножницами сухое зелье, после чего раскладывал полиэтиленовый пакет на паласе и разрезал его лезвием на десять квадратных пакетиков. Потом, используя пустой спичечный коробок, отмерял десять башиков шмали, равных шести сигаретам. Выглядело это забавно: на столе десять квадратиков, и в центре каждого из них лежит горка травы. Заканчивалось все тем, что я скручивал пакетики ниткой, и получалось десять милых шариков с пучком, которые походили на головку лука. Теперь вырисовывается картина?

Нередко бывало так, что мне приходилось бегать к дому, где якобы живет дилер, на несколько встреч подряд, так как часто ко мне обращались в вечернее время. Я договаривался о сходах с интервалом в тридцать минут, и мне приходилось носить с собой по два или четыре пакета травы. Конспирация и безопасность – прежде всего! Поэтому все мои трусы были теперь с дыркой возле пупка. Я вырезал отверстие в нижнем белье с внутренней стороны и складывал туда товар. Если бы какая-нибудь девочка пожелала схватить меня между ног, она могла бы обнаружить от четырех до восьми яиц. На самом деле, фасовать марихуану в пакеты – не есть правильно: остаются отпечатки. Поэтому более безопасная альтернатива – это газетка. Но ведь вы понимаете, что могло бы произойти с такой тарой, если бы я складировал ее в вышеуказанное место.

Время шло, и работа с моим компаньоном двигалась успешно. Родион, как и обещал, познакомил меня со своими покупателями. Те приводили своих знакомых, и моя клиентская база разрасталась ускоренными темпами. Пассажиры были разные: от студентов и молодых

работяг, до распиздяев и золотой молодежи, которые приезжали на папиных машинах с дорогой стереосистемой. Уже через месяц я начал покупать себе шмотки. Мы с Редом колесили по ночным клубам и я почувствовал вкус денег. У меня теперь всегда была наличка и трава для личного потребления. Я общался с разными людьми, посещал клубы и бары. Я стал уверенным, еще более коммуникабельным, бесстрашным, наглым и расточительным. Мы с Родионом так зажирались, что иногда не могли сходить в кино, потому что уже посмотрели все премьеры во всех кинотеатрах города. Дома мы уже не питались, ходили только в рестораны и кафе. Мне исполнилось девятнадцать лет, а я уже шикавал и возомнил себя крутым дельцом. Но приземлить меня все-таки удалось одному обстоятельству. После новогодних праздников начиналась сессия. Мне нужно было остепениться, иначе можно было снова налажать. Поэтому, взяв себя в руки, я устремился в коридоры института.

ИНСТИТУТ И СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

К моменту, когда мы начали учиться, Герман уже работал водителем в диспетчерской скорой помощи и гонял на серой буханке. В ней мы время от времени сидели и жевали чебуреки, пока между парами давалась большая перемена. Новогодние праздники блеснули пятками, январь сжал морозом наши легкие, и началась бурная учебная деятельность. Ранее я уже упоминал о составе нашей студенческой группы, которая была укомплектована в основном девочками лет на пять старше нас и латентным Гавриэлем.

Когда мы приходили в приемную комиссию в громадный корпус и сдавали экзамены в не менее респектабельном помещении, мы ожидали, что будем учиться в подобном месте. Но получилось так, что наш социально-гуманитарный факультет находился совершенно на другой улице, возле которой в ста метрах был пустырь. То есть, если сначала мы курсировали по корпусам в центре города, то теперь блуждали недалеко от транспортных развилки и лесных массивов. Двухэтажное здание нашего факультета пребывало еще и в ремонтном состоянии. Со временем нас обещали переместить в другой корпус, а пока мы ютились в скромных аудиториях с облицовкой креативного советского дизайна. Было ли интересно учиться? Не скажу, поскольку дисциплины не отличались новшеством. Тот же русский язык, та же история Отечества, иностранный язык и прочие вводные, уже знакомые предметы. И как нам рассказывали однокурсники, тотальный заход в целевую область, то есть обучение самой социальной педагогике, должен был назреть примерно со второго – третьего курса. Хотя все было не так безнадежно, потому как введение в профессию нам начали преподавать в первые дни, благодаря чему, некоторые ориентиры и понимание постепенно начинали образовываться. К тому же доступ к библиотеке и изучение требуемой литературы вполне достаточно распаковывали специфику выбранной специальности.

Информационно прокачаться удалось уже в первую сессию. Мы с Германом обзавелись несколькими приятельницами и временами в перерывах, либо после пар, болтали в столовой о жизни и об избранной профессии. Я также продолжал заниматься незаконной деятельностью. Только теперь не позволял себе выходить за рамки разумного. Деньги, которые начали у меня водиться, трава, которой я угощал друга, не скрыли положения моих темных дел. И я все рассказал Герману, но без подробностей: просто понимал, что ему можно доверять, в конце концов, мы были знакомы с раннего детства. Он не знал, кто был моим партнером и о том насколько все серьезно. Иногда я приезжал к нему в гости, заряжая два пакета пива с закусками. Мы раскуривали несколько забитых беломорен и весело проводили время в его комнате, пока мама занималась своими делами в зале. Я стал для друга неким эталоном успешности, вернее, не столько успешности, сколько человеком в движении и с достатком. Он видел, что у меня водятся бабки, что я стал мобильным и уверенным, легко и непринужденно совершаю

покупки, могу себе многое позволить, поэтому он с легкостью принимал мои предложения по типу «давай развлечемся».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.